Татьяна Корсакова

Лабиринт Медузы

Татьяна Корсакова

Лабиринт Медузы

«Автор»

2019

Корсакова Т. В.

Лабиринт Медузы / Т. В. Корсакова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-04-101537-4

Ника едва выжила после нападения и осталась в кромешной темноте, лишившись зрения. Но судьба приготовила и другой сюрприз — внезапно объявившуюся бабушку, живущую у моря, на вилле Медузы. Теперь Нике придется пройти по лабиринту, полному интриг и зависти. Найдет ли она свою путеводную нить?

ISBN 978-5-04-101537-4

© Корсакова Т. В., 2019
© Автор, 2019

Татьяна Корсакова
Лабиринт Медузы

Это лето пахло яблоками, сочными краснобокими яблоками, что росли в бабушкином саду. А еще дымом. Горели торфяники. Далеко в лесу, километрах в двадцати от их городка, но запах гари не давал Нике покоя, сводил с ума. Спасали яблоки. Бабушка раскладывала их по всему дому, а большую плетеную корзину, наполненную плодами до самого верха, ставила на прикроватную тумбочку в комнате Ники. Их тонкий аромат помогал, позволял заснуть.

Впрочем, причиной Никиной бессонницы был совсем не дым, но винить далекий пожар во всех своих горестях проще всего. Не то чтобы Нике хотелось кого-то винить, но так уж получалось… Так уж вышло, что в жизни ее остались только бабушка, аромат яблок и музыка. Гитара, самая обыкновенная, купленная в музыкальном магазине два года назад, тоже верным стражем стояла в изголовье Никиной кровати. И тонкий голос струн успокаивал, уговаривал, если не смириться с прошлым, то хотя бы не бояться будущего.

Этим летом музыкой Ника занималась подолгу, куда дольше и прилежнее, чем раньше. Подружка Динка сказала бы, что это сублимация, но Динка осталась в прошлой жизни, а в нынешнюю пробивался лишь ее неестественно бодрый голос. Пробивался все реже и реже. Почти так же редко, как вот это бархатное, с капризными интонациями сопрано.

– …А я сказала, что она поедет! Ты, наверное, забыла, что Доминика моя дочь!

Мама… Целый год о ней не было ни слуху ни духу, с того самого дня, как она оставила Нику на пороге бабушкиного дома. А теперь вот приехала…

Ника отложила гитару, взяла из корзины яблоко. Ногти вспороли тонкую кожицу, и по пальцам потек яблочный сок. А дымом запахло просто невыносимо.

– Я не забыла. – Бабушка говорила тихо, наверное, все еще надеялась, что Ника не услышит. – А вот ты, похоже, забыла, что у тебя есть дочь.

Бабушка ничего не понимает. Мама не забыла. Мама просто не считает Нику своей дочерью. Обузой, уродиной, неблагодарной негодяйкой – да кем угодно, только не дочерью! Так уж у них повелось. В какой-то мере этот год стал не только самым страшным, но и самым спокойным в Никиной жизни. Пока мама вдруг не вспомнила о ее существовании…

– Умоляю, перестань! Ты же знаешь о моих обстоятельствах! – В бархатном сопрано появились нотки раздражения. Так всегда и бывало: сначала раздражение, потом злость и упреки. Ника привыкла. И к маминым «обстоятельствам», которые менялись едва ли не ежегодно, тоже привыкла. А стоило только начать отвыкать, как все вернулось на круги своя. – Поверь, это в ее же интересах! Ты даже представить не можешь, что это за люди! Там такая семья, мама! Это приглашение – реальный шанс выбраться из дерьма.

– Для нее или для тебя? – Бабушка говорила шепотом, хоть и понимала, что Ника все прекрасно слышит.

– Для нас обеих! Доминика! Доминика!!! Я знаю, ты где-то здесь! Выходи, нам нужно поговорить!

Доминика… Мама всегда называла ее полным именем, вот этим вычурным, нездешним, пахнущим морской солью и ветром.

Хотя бы имя у тебя будет красивым! Вот так она говорила. Хотя бы имя, если уж с остальным так не повезло.

Нике и в самом деле не повезло родиться не похожей на маму. Потому что мама была настоящей красавицей. Такие улыбаются вам с обложек глянцевых журналов, таких водят в дорогие рестораны, таким покупают виллы, меха и бриллианты. В мамином прошлом случился один глянцевый журнал и одно колечко с бриллиантом, а вот с остальными атрибутами красивой жизни как-то не сложилось. Наверное, из-за Ники. Конечно, из-за Ники! Потому что

невозможно устроить личную жизнь, когда на руках у тебя такой ребенок. Слово «такой» мама произносила со значением и тут же добавляла про то единственное, чем Нике-Доминике можно было гордиться. Хотя бы имя… Потому что, когда ни рожи ни кожи, позитив нужно искать хоть в чем-нибудь.

Когда кожа бледная до такой степени, что сквозь нее просвечивают вены. Когда белый, словно седой волос вьется мелким бесом, и расчесать его нет никакой возможности, когда брови и ресницы уныло-белесые, когда тело по-мальчишески нескладное, а характер невыносимый, что остается бедной прекрасной маме? Маме остается терпеть и мучиться. Мучиться и терпеть! И это ведь вполне ожидаемо, что терпение ее лопнуло. Она и без того положила на Нику семнадцать лет своей жизни.

– Доминика! Иди сюда, детка!

Детка… А вот это что-то новенькое. Детка – это из какой-то другой, далекой от Ники жизни. Такой же далекой, как мама.

– Доминика! У меня для тебя есть прекрасная новость!

Прекрасные новости от мамы обычно пахли так же горько, как дым горящего торфяника. Прекрасные новости обычно касались нового маминого кавалера, который – теперь уж наверняка! – станет ее законным супругом. Прекрасных новостей Ника боялась так же сильно, как и собственных ночных кошмаров. И точно так же, как от кошмаров, не могла от них спрятаться.

Яблоко упало на пол, закатилось под кровать и там затаилось. Вот бы и Нике так же. Затаиться, спрятаться и от мамы с ее прекрасными новостями, и от самой жизни. Но не выйдет. Бабушка не удержит оборону, у бабушки слабое сердце и мягкий характер. Бабушка так же не похожа на свою дочь, как Ника не похожа на свою мать. Так уж вышло.

Солнце нагрело половицы, и босым ногам было тепло. По бабушкиному дому можно было ходить босиком и оставлять везде яблоки. Это был хороший дом. И даже о высокие пороги Ника не спотыкалась. И даже не расшибалась об углы. Дом принимал ее такой, какой она была, не предъявлял претензий и не выставлял счетов.

– Ника… – Стоило ей только переступить порог, как руки успокаивающе коснулась теплая, чуть-чуть шершавая бабушкина ладонь. – Тебе не надо было…

– Надо было! Здравствуй, Доминика! – Нику окутало удушающе сладкое облако маминых духов. Пожалуй, дым горящих торфяников – это не так уж и плохо. – Отлично выглядишь, детка!

Обычно мама ей никогда не врала, всегда называла вещи своими именами, даже тогда, когда Ника была еще нормальной. Относительно нормальной.

– Ты тоже. Наверное. – Воздуха в плотном коконе маминых духов почти не было, и Ника отступила на шаг, чтобы не умереть от удушья.

– Я смотрю, твое чувство юмора осталось при тебе. – Теперь мамин голос доносился откуда-то слева, скорее всего, от окна. – Это хорошо. Может быть, у тебя даже получится ей понравиться.

– Кому? – Не нужно было спрашивать. Тогда, год назад, Ника твердо решила, что никогда больше не попросит маму ни о чем. Не попросит и не станет задавать ненужных вопросов.

– Твоей бабке.

– Моя бабушка меня любит безо всяких «если». – Хотелось добавить «в отличие от тебя, мама», но Ника не стала. Те времена, когда мамины слова ранили и причиняли боль, прошли. Ей очень хотелось думать, что навсегда. И бабушка тут же успокаивающе сжала ее руку, а в ноги ткнулся лбом кот Мурзик, затарахтел как трактор.

– Я о другой твоей бабке! – В мамином голосе звенело удивление пополам с триумфом. Странное такое сочетание. Такое же странное, как и само это заявление. В Никиной жизни никогда не было никакой другой бабушки. Да что там! В Никиной жизни никогда не было отца! Нет, теоретически, где-то влачил жалкое существование мерзавец, который не оправдал

маминых ожиданий да еще и заделал ей такую некрасивую, такую несовершенную дочь, но даже имя его было предано забвению. А теперь вот бабка…

– Как вы живете в одном доме с этой блохастой мерзостью? – Зацокали по полу острые каблучки – десять сантиметров и ни миллиметром меньше! – мамин голос сделался глуше. – Еще не хватало подцепить от него какую-нибудь заразу.

– Так ты не задерживайся. – Ника улыбалась. Ей очень хотелось думать, что достаточно вежливо. – И шерсть у него такая… – Она присела, провела ладонью по пушистой, выгнутой дугой спине. – Прилипчивая. Потом придется очень долго ее отчищать.

– Узнаю свою дорогую деточку. – Мама едва сдерживала раздражение. Но сдерживала, и это было особенно странно. – Удивительно приветливый и солнечный ребенок! Кстати, не стоит убирать волосы в пучок. Это не добавляет тебе ни красоты, ни изящества. Нужно как-нибудь заняться твоим внешним видом.

– Наталья. – Бабушка хотела сказать строго, но получилось все равно жалко. Поздно учить такту такую, как мама. С мамой вообще все поздно. Безнадежно поздно… – Ника очень красивая девушка.

– Ах, перестань! – Царапнули пол ножки старого венского стула, на который грациозно – непременно грациозно! – присела мама. – Доминика не должна питать иллюзий насчет своей внешности. Чтобы потом не было мучительно больно. Обыкновенная и заурядная. А вот ее родня по отцовской линии… – И снова недоверчивое удивление, словно бы мама сама не до конца верит тому, о чем говорит. – Кто бы мог подумать… Знать бы заранее… – Она разговаривала сама с собой и, похоже, себя за что-то корила. – И ведь ни словом не обмолвился, из какой он семьи. Теперь я понимаю, в кого ты такая скрытная.

– В кого? – Ника взяла Мурзика на руки, прижала к животу пушистое, тарахтящее тело, пытаясь успокоиться.

– В своего папеньку. Он же мне ничего о себе не рассказывал. Я же думала, обыкновенный влюбленный аспирантик-нищеброд. Переспала с ним, считай, из жалости. Так он на меня смотрел, такими щенячьими глазами…

Мама и альтруизм! И снова что-то новенькое. Секс из жалости, а не из корыстных побуждений – это так на нее не похоже! До недавних пор Ника думала, что мама совершила лишь один необдуманный поступок – сохранила жизнь нежеланному ребенку, а тут новое откровение.

– А ведь он хотел на мне жениться! Представляете? – Мама вспорхнула со стула и теперь мерила шагами комнату. Десять шагов туда, десять обратно. – Идиот! Не мог сказать прямо, кто он и чей сыночек! Решил поиграть в принца и нищую. Вот и доигрался!

Мама говорила, говорила, и из ее монолога Ника сделала только один вывод: у нее все-таки есть отец, и он из какой-то необыкновенной семьи. Интересное кино! Жаль только, Ника не сможет его посмотреть.

– А ведь все могло бы сложиться совсем иначе! Я бы сейчас жила, как у бога за пазухой! У меня было бы все, что душа пожелает! – Мама замерла напротив Ники. Захотелось сделать шаг назад, но Ника не двинулась с места.

– Он жив? – спросила, сжимая и разжимая онемевшие вдруг пальцы.

– Кто?.. – Мама думала о своем. Мама даже не сразу поняла вопрос. – Этот? Твой отец? Нет, погиб семнадцать лет назад. А я еще думала, почему это он, весь такой из себя благородный и возвышенный, не пытается узнать, как мне живется. Про тебя-то он не знал, я не сказала. Я вообще не планировала сохранять эту беременность, но уговорили. Вот ты, мамочка, уговорила! – В бархатном сопрано снова почудилось раздражение, а еще, кажется, удовлетворение. – Что-то у меня там было не так с организмом. Одна беременность – один ребенок, и второго шанса родить не будет. Так сказали врачи. И я поверила. Глупая была, молодая. Сколько ты кровушки моей попила, Доминика! Токсикоз от первого дня беременности до последнего!

Лишних пять килограммов, убитые зубы и волосы клочьями! – Мама перечисляла ущерб, который причинила ей Ника, с привычной четкостью и в привычной последовательности. – А бессонные ночи? Ты же выла без умолку! И не ела ничего. И смотрела так… с упреком!

Младенец, который смотрит на свою маму с упреком – вот это, пожалуй, перебор, но перебивать нельзя, будет еще хуже, еще дольше.

– А потом детский сад! Это же кошмар какой-то!

Кошмар. Вот только не для мамы, а для Ники, потому что детский сад был круглосуточный, и домой ее забирали лишь на выходные.

– То тебя били, то ты била! С тобой всегда возникали какие-то проблемы. А школа?

А в школе все шло более или менее нормально. Терпимо оказалось в школе. И училась Ника хорошо. Можно даже сказать, отлично. У нее была подружка Динка и музыкальная школа по классу классической гитары. У нее была почти нормальная жизнь. До тех пор, пока…

– А потом это трагическое происшествие! – Мама вздохнула почти искренне. Вот только Ника знала, жалеет она не ее, а себя. – Ты представляешь, что мне пришлось пережить? Эти разговоры с полицией, эти бесконечные обследования, эти больницы… Даже такой сильной женщине, как я, не дано вынести столько горя.

Невыносимым горем мама называла то, из-за чего Ника оказалась у бабушки. Горе это, оказывается, коснулось только мамы. Кто бы сомневался!

…На Нику напали, когда она возвращалась из музыкальной школы. Была зима и темная, припорошенная первым ноябрьским снегом дорожка у гаражей. Сама виновата. Могла пойти кружным путем, по людной и относительно светлой улице, а поперлась через гаражи, сэкономила целых пятнадцать минут и поставила крест на всей своей будущей жизни. Ее ударили чем-то тяжелым по голове. Последнее, что Ника запомнила, перед тем как провалиться в пустоту, острая боль в затылке и невыносимо яркая вспышка света перед глазами. Тот свет стал последним в Никиной жизни.

Ее нашли поздним вечером два засидевшихся в гаражах мужика. Сначала подумали, что она мертва, потому что весь снег вокруг нее был красный от крови, а потом все-таки решились проверить пульс. Они же вызвали «Скорую» и полицию. А еще позвонили маме. Первой приехала «Скорая», потом полиция. Мама была слишком занята. Да и зачем мама, когда Ника находилась в коме, и никто, даже врачи, не верили, что она выживет? Они не верили, а она жила. Темной коматозной жизнью. Про жизнь эту Нику потом часто расспрашивала подружка Динка. Динке было интересно, что там, за чертой. Вот только Ника не помнила что. Что-то, определенно, было. И это что-то теперь просачивалось в ее кошмары, но мозг защищался, берег Никину хрупкую психику, как умел, подсовывал пестрые картинки несуществующих воспоминаний, а правды не показывал.

Она провела в коме два месяца, а потом глухой безлунной ночью очнулась. Вот только это была не ночь, а яркий солнечный день, просто Ника ничего не видела, а мозг уже принялся ее защищать. Что случилось дальше, Ника помнила смутно. В память врезалось только одно: горькое, как полынь, отчаяние. Ей не быть такой, как прежде. Зрение не вернется. Теперь она не просто уродина, но еще и слепой инвалид, потому что, если тебе проломили череп, а потом бросили умирать за гаражами, не стоит надеяться на легкий исход. И не важно, что с глазами ее полный порядок. С глазами порядок, а вот с мозгом – беда. Кажется, невролог, который ее осматривал, что-то говорил про корковую слепоту, но Ника его не слышала, Ника хотела умереть.

Первую попытку она предприняла там же, в больнице. Темной глухой ночью – теперь вся ее жизнь превратилась в темную ночь – она выдернула из вены иглу от капельницы. Скальпелем, наверное, было бы удобнее, но теперь она могла лишь действовать на ощупь. Иглу в вене она чувствовала, а скальпель пришлось бы искать…

С иглой ничего не вышло, как Ника ни старалась. Просто к отчаянию добавилась еще и боль в исполосованной руке. А потом кто-то истошно завопил прямо у Ники над ухом, и жизнь ее переместилась из одного кошмара в другой. Другой дурно пах лекарствами, хлоркой, мочой и еще тысячей неподдающихся идентификации запахов. В другом мире Нику лечили уже не от черепно-мозговой травмы и слепоты, а от суицидальных мыслей, отбивали охоту попытаться еще раз. В другой мир мама не приезжала. Для нее, измученной Никиной болезнью, это было слишком. В другой мир приехала бабушка. С бабушкой стало легче. Она не ругала и не уговаривала, она даже не плакала, она просто разговаривала с Никой. Рассказывала о всяких пустяках, навроде проделок кота Мурзика, пересказывала мировые новости, а когда новости заканчивались, просто читала вслух книги. Кому-то из них, а может, и обеим сразу, удалось убедить врачей, что с Никой теперь все будет хорошо. В психическом плане. Про физический они не разговаривали, Ника не хотела. И думать о том, как ей придется жить дальше в кромешной темноте, она тоже не хотела.

После выписки из психиатрической клиники наступил долгий период реабилитации. Реабилитация началась, а школа закончилась. Потому что какая же школа, когда ты вот такая… никакая? Ника пыталась учиться самостоятельно. Как умела, так и пыталась. Вот только шрифт Брайля осваивать отказалась наотрез. Ей казалось, что стоит только выучить все эти выпуклости и впадинки, и все – путь обратно в нормальную жизнь будет для нее закрыт окончательно.

Так уж вышло, что Ника отказалась от Брайля, а мама от Ники. Слишком тяжело, слишком невыносимо. И вообще, это все так неприятно!

У бабушки Нике было хорошо. Насколько такое вообще возможно в ее нынешнем положении. Бабушке не было ни слишком тяжело, ни слишком невыносимо. Бабушка Нику просто любила и раскладывала по всему дому яблоки, чтобы заглушить запах пожарища.

– Собирайся, Доминика! У нас всего пара часов в запасе! – Мама продолжала мерить шагами комнату. – Вечером мы улетаем.

– Куда? – Она не собиралась никуда лететь, но спросить ведь можно?

– Далеко. К морю! Ты хочешь к морю, детка?

Детка никогда не бывала на море, поэтому не знала, хочет или нет. Но любопытно. Чертовски любопытно!

– И что там у моря? – Еще один безобидный вопрос. Ведь за спрос не бьют.

– А у моря – дом! Да что там дом! Я погуглила, там настоящее поместье! Вот как в глянцевых журналах про красивую жизнь.

Мама любила и глянцевые журналы, и красивую жизнь. А Ника любила море. Наверное. Море – это же круто.

– Я ведь ей писала, его маменьке! Давно, еще до этого несчастного случая. Вот как только узнала, кем на самом деле был твой папаша, так и написала. А что?! Я столько лет тянула тебя на своем хребте! Одна, без мужа, без помощи. А тут родственнички богатенькие, с деньгами и поместьями. Я ей написала, рассказала, какая ты лапочка и как сильно похожа на своего отца. А она не ответила. Проигнорировала! Представляешь? Я уже хотела ехать к ней сама, разбираться. Но тут с тобой случилась эта… неприятность. И вообще, где я, а где она, владычица морская?! – Мамин голос сочился ненавистью и ядом. – А потом думаю – да что я в конце концов теряю? Я ведь обязана бороться за твое счастье. И написала снова. И вот ко мне является этот поверенный. Неприятный тип, но сразу видно, что не из простых адвокатишек. Одни только часы стоят столько, сколько нам за всю жизнь не заработать. Является и сообщает, что твоя бабка готова тебя признать. Одумалась, старая ведьма!

Мама рассказывала ей сказки. В детстве никогда не рассказывала, а теперь вот отчего-то решила восполнить пробел. Да только поздно, в сказки Ника больше не верила.

– Там, конечно, не все так просто. – А мама не умолкала, маме нравилась эта сказка про поместье у моря и несметные богатства. – Придется провести генетическую экспертизу, чтобы доказать ваше родство.

– Экспертизу?

– Это чистая формальность. Я знаю, от кого родила свою дочь! Я уверена! Но если они настаивают! – Снова зацокали каблучки – десять сантиметров и ни миллиметром меньше! – хлопнула входная дверь. – Любезный, прошу вас! – Мамин голос теперь звучал взволнованно, словно бы она готовилась сдать самый важный в своей жизни экзамен. – Вот она, моя девочка!

Заскрипели половицы под тяжестью мужских шагов, запахло дорогим парфюмом, а потом кто-то одновременно вежливо и равнодушно сказал:

– Вам нужно открыть рот, Доминика. – И подбородка коснулись крепкие, затянутые в латексные перчатки пальцы. – Всего лишь мазок со слизистой. Это не займет много времени.

Челюсти она сжала так крепко, что заболели зубы. Хрен им, а не генетический материал! Не дождутся!

– Доминика, я прошу вас. – Голос оставался по-прежнему вежливым и равнодушным, а вот пальцы сжимали Никину челюсть все сильнее и сильнее. – Это в ваших же интересах, уверяю вас.

Ей хотелось сказать этому вежливому невидимке все, что она думает о нем, своей маме и неведомой бабке-миллионерше, но для этого нужно было открыть рот, а открывать рот нельзя. Вот так она и стояла, прижимая к животу затаившегося Мурзика и крепко сжав челюсти.

– Дайте мне! – Мама теряла терпение и контроль. – Позвольте, я ей все растолкую!

– Не нужно, я сам. – Невидимка ослабил хватку, склонился над Никой. Теперь его лицо было так близко, что она чувствовала на щеке чужое дыхание. – Доминика, выслушайте меня. – А в голосе появились чувства. Или ей просто так показалось? – Если вам удастся подтвердить свое родство с Димитрисом Адамиди, перед вами откроются совершенно иные горизонты. Семья, в которую вы войдете, особенная. Агата Адамиди, ваша, я надеюсь, бабушка, очень влиятельная женщина, с практически неограниченными возможностями. Вы понимаете, что это для вас значит, Доминика?

Ника не понимала. Пока происходящее казалось ей театром абсурда, а этот незнакомец упорно тянул ее на сцену, обещая главную роль.

– После травмы вы ослепли. – А он не привык церемониться. Или просто ценил свое время? – Как думаете, вас можно вылечить?

– Нет.

– Вы уверены? Сколько специалистов вас осматривали?

Много. Нейрохирурги, реаниматологи, офтальмологи, неврологи и даже психиатры. Много!

– Я понимаю. – Он разговаривал с ней как с равной. Это подкупало. Или не только это? – Но уровень? Вас обследовали и лечили в областной больнице? А представьте, что у вас вдруг появилась возможность проконсультироваться у лучших мировых специалистов. И не только проконсультироваться, а получить самое современное лечение. Возможно, оперативное, с применением новейших нанотехнологий. Представили?

Ника представила. «Нанотехнологии» звучали почти так же, как «волшебство».

– Поверьте, для своей внучки Агата Адамиди сделает все возможное и даже невозможное. – Незнакомец продолжал уговаривать и искушать. – Необходима лишь формальность. Нам нужно доказать ваше кровное родство. Откройте рот, Доминика.

Открыла. А глаза, наоборот, крепко-крепко зажмурила. Он умел убеждать, этот незнакомец. Он ее уже почти убедил. И ее, и бабушку. Маму убеждать не нужно было, мама уже видела себя графиней Адамиди. Или какой у них там титул?

– Вот и все. Благодарю вас, Доминика. – Сжимающие подбородок пальцы разжались. – Результаты экспертизы будут готовы очень скоро, но Агата хочет предоставить вам свой кров уже сейчас.

– А если экспертиза не подтвердит наше родство? – Все-таки мама – свидетель не самый надежный. У мамы всегда было много поклонников.

– Подтвердит. – Незнакомец говорил уверенно. – Вы очень похожи. – Он не сказал, кто на кого похож, а Ника не стала спрашивать. – Но даже если случится невероятное, я уполномочен передать вам, что Агата будет рада оказать вам свое гостеприимство. Благотворительность – это еще одна из отличительных черт рода Адамиди. Сколько вам потребуется времени на сборы? – спросил он без перехода. – У вас есть какие-то неоконченные дела?

Какие могут быть неоконченные дела у человека, жизнь которого остановилась год назад? Ни дел, ни надежды. А впрочем, надежда, возможно, появилась вот прямо сейчас. Если, конечно, все, что говорит этот человек, правда. Если, конечно, это не чей-то жестокий розыгрыш.

– Я знаю, вам хотелось бы конкретики. – Он все про нее понимал. Или просто был такой умный. – И уверяю вас, у меня есть документы, подтверждающие каждое мое слово. Ваша мама, как ваш законный представитель, с ними уже ознакомилась. Вам нечего бояться, Доминика. – А вот сейчас он солгал. Вроде бы не изменилось ничего, а Ника почувствовала ложь. И гарью запахло просто невыносимо сильно. Но лучшие врачи и лучшие клиники… Но надежда, которую, увы, можно купить только за деньги…

Ей нечего было терять. Вот совершенно нечего! И на море она никогда не была…

* * *

– Не переживай, младший! Это всего на пару недель, а потом ломанешься на свой Кавказ! – Отец говорил, не отрывая взгляда от дороги, машину вел лихо и уверенно. Наверное, оттого, что ему редко доводилось дорваться до руля. В Москве его возил личный водитель, потому что статус. А тут, считай, глухая провинция! Тут никому нет дела до статуса, зато тут у отца есть дела. Настолько неотложные, что он сорвался из Москвы сам и сорвал Ивана.

А у Ивана были планы! Он не хотел на море, он хотел в горы. И это только так кажется, что две недели ничего не значат. Значат! Особенно для того, кто из-за травмы почти четыре месяца пропускал тренировки в спортклубе. Чтобы наверстать упущенное, теперь приходилось пахать еще больше. Во всяком случае, Иван так себе все распланировал. Кто ж знал, что в его планы вмешается отец?!

Никогда раньше отец не таскал его за собой ни на отдых, ни уж тем более на деловые встречи. Уважал и его желания, и его планы, а тут вдруг взялся настаивать. И у Ивана язык не повернулся ему отказать, хоть и не хотелось ему ехать в эту глушь. Аж до зубовного скрежета не хотелось! Но всего две недели. Как-нибудь переживет.

– Опять же, море, сын! – Папа все-таки обернулся, посмотрел на Ивана весело и лишь самую малость встревоженно. – Ты когда последний раз был на море, младший?

Давно был. Года четыре назад. А потом все никак не получалось, то учеба, то сборы, то тренировки, то частная английская школа. Вот такая насыщенная жизнь у него была. Почти как у отца.

– Давно. – Отцу не требовался ответ. Отец искал оправдания своему странному решению. Искал и, похоже, уже нашел. – А тут, кстати, тоже есть скалы. Снаряжение свое ты ведь прихватил. Вот и потренируешься пока здесь. Так сказать, на свежем воздухе.

Снаряжение Иван с собой прихватил, потому что перед тем, как собраться в дорогу, погуглил, в какое место везет его отец. Место получалось интересное. Ладно, море – скалы здесь имелись вполне себе приличные. Не придется маяться бездельем целых две недели.

– Точно две недели? – на всякий случай спросил он у отца. – Вдруг управишься раньше?

– Не знаю, младший. – Отец пожал плечами. – Поверь, не от меня этот форс-мажор зависит. Моя бы воля, я бы сейчас отправился на рыбалку денька так на два!

Два денька рыбалки – это был тот предел, который отец мог себе позволить. Иван вообще не помнил, чтобы тот отдыхал больше двух дней подряд. Бизнес и все такое.

Их нынешняя поездка – это тоже бизнес чистой воды. Дружеский визит к давнему деловому партнеру. Про партнера Иван ничего у отца не спрашивал, но из обрывочных разговоров понял, что то ли с партнером, то ли с их совместным бизнесом возникли проблемы, которые требуют личного отцовского присутствия. Ладно, отцовского! А он-то тут каким боком?

– А вот и море! – Отец выключил климат-контроль, открыл окна, впуская в салон жаркий, пахнущий солью и йодом воздух. – Глянь, младший! Настоящее море!

– И рыбалка. – Иван высунул голову в окно, подставил лицо ветру.

– Про рыбалку не скажу.

– Но удочки прихватил.

– Удочки прихватил. Мало ли.

Они с отцом понимали друг друга с полуслова и ладили отлично. А когда случались разногласия, вмешивалась мама. У мамы всегда хорошо получалось сгладить острые углы и примирить противоборствующие стороны. Вот и два дня назад именно она решила их с отцом спор. Успокоила одного, уговорила второго. Одному собрала в дорогу удочки, а второму альпинистское снаряжение. Жаль только, сама не поехала. Работы у мамы было едва ли не больше, чем у отца. Такая уж у них сумасшедшая занятая семейка.

А дорога тем временем вильнула, огибая нависающую над морем скалу. Скала Ивану понравилась, а отцу – нет.

– Даже не думай, – сказал он мрачно. – Я имел в виду совсем другие скалы. И вообще, младший, ты тут поосторожнее.

Вот это «поосторожнее» из его уст было слышать особенно странно. Особенно принимая во внимание тот факт, что это именно отец отвел маленького Ивана в спортшколу. Особенно принимая во внимание тот факт, что скалолазание – далеко не самый безопасный вид спорта.

Ответить Иван не успел, потому что пейзаж, до этого унылый и однообразный, менялся прямо на глазах. Исчезла выгоревшая степь, уступила место цветущему саду. Или парку? Или джунглям? Иван еще не разобрался с классификацией, но перемены ему, определенно, нравились. А дорога тем временем превратилась в утопающую в тени аллею, запетляла между диковинными деревьями и кустами, пока не уперлась в высокие кованые ворота, украшенные гербом с головой горгоны Медузы. Медуза уставилась на Ивана внимательным взглядом, от такого в самом деле впору окаменеть.

– А что ты думал? – Отец пожал плечами. – Вилла «Медуза», необходимо соответствовать.

Остальная часть парка пряталась за трехметровой кирпичной стеной, оснащенной камерами наблюдения. Две из них тут же развернулись, уставились черными зрачками объективов на их машину так же внимательно, как Медуза. Через несколько секунд ворота с тихим жужжанием распахнулись, впуская гостей на территорию.

– Безопасность, – сказал отец задумчиво и прибавил газа.

До дома, огромного трехэтажного особняка, они ехали еще минут пять, и все это время Ивана не покидало ощущение, что в поместье, кроме них с отцом, никого нет. По крайней мере, по пути они не встретили ни единой живой души. Зато у дома их уже ждали. Высокая, тощая дама с гладко зачесанными черными волосами и некрасивым, совершенно невыразительным лицом стояла на крыльце, скрестив на груди руки, и была больше похожа на статую, чем на живого человека.

– Тереза, – сказал отец отчего-то шепотом. – Управляющая и подруга Агаты. – А потом добавил: – Та еще мегера.

Они выбирались из машины, когда мегера Тереза сдвинулась наконец с места и спустилась с крыльца.

– Добрый день, господин Серебряный! – Ее голос был сухим и скрипучим, а взгляд белесых глаз колючим и цепким. Она мельком глянула на Ивана и встала напротив отца.

– Добрый, Тереза Арнольдовна. – Отец церемонно поклонился, и управляющая коротко кивнула в ответ. – Приехал так быстро, как смог. Как она?

– Спасибо, держится. – На лице Терезы не дрогнул ни единый мускул. Робот, а не тетка. – Я распорядилась, чтобы вам подготовили комнаты.

Комнаты – это хорошо. Как бы Иван ни любил отца, но свободы маневров ему все равно хотелось. И отдельной комнаты тоже.

– Следуйте за мной, – сказала Тереза и по-солдатски широким шагом направилась обратно к крыльцу.

Отец глянул на Ивана, чуть виновато пожал плечами. А Иван подумал, какой же должна быть хозяйка этого дома, если у нее вот такая управляющая.

– До ужина у вас есть четыре часа личного времени, – инструктировала на ходу Тереза. – Бассейн, тренажерный зал, пляж, лодки – все в вашем распоряжении. Но к девятнадцати тридцати будьте любезны явиться к ужину.

– Всенепременно, Тереза Арнольдовна, – буркнул отец и подмигнул Ивану.

– И предупредите мальчика, – Тереза остановилась, но так и не обернулась, – чтобы не вздумал без спросу гулять по дому. Агата будет отдыхать. Я не допущу, чтобы ее покой тревожили.

Мальчиком, надо думать, тетка называла восемнадцатилетнего Ивана. Надо же!

– Терпи, – велел отец одними губами и сделал страшное лицо.

В ответ Иван лишь поморщился. Поездка к морю с каждой секундой нравилась ему все меньше и меньше.

А вот комната неожиданно пришлась по вкусу! Как и тот факт, что располагалась она в отдельном крыле, далеко от отцовских апартаментов. Комната была большая и светлая, с панорамным окном и выходом на просторную террасу, с которой открывался вид на море и маячащий вдалеке скалистый остров. Скалистый – вот ключевое слово! И еще Тереза что-то там говорила про лодки. Если есть лодки, значит, на них можно добраться до острова и скал. А если есть скалы, значит, не все потеряно.

Обследовать остров захотелось прямо сейчас, потому что внезапно всю усталость как рукой сняло. Пока можно прошвырнуться к острову налегке, без снаряжения, просто разведать обстановку, а заодно и искупаться. Еще бы неплохо перекусить, но болтаться в поисках провианта по незнакомому, похожему на исторический музей дому не хотелось, поэтому Иван прихватил из стоящей на столе хрустальной вазы яблоко и вышел из комнаты.

К морю вела широкая аллея, но Иван еще с террасы разглядел укромную тропинку, петляющую между зарослями можжевельника и еще какого-то неведомого кустарника. Тропы ему всегда нравились больше, чем торные дороги.

Спускаться к морю пришлось минут пять. Временами уклон был весьма значительный, и, чтобы не сорваться, Ивану приходилось цепляться за нагретые солнцем стволы сосен. Сосны тут были какие-то необычные, с очень длинными иглами и шишками, похожими на кедровые. Шишки крошились и сухо пощелкивали под подошвами кроссовок.

Вот под аккомпанемент этого пощелкивания он и вышел на пляж. Здесь не было ни шезлонгов, ни навесов, ни зонтов от солнца. Все эти атрибуты цивилизации остались в стороне, а здесь была лишь тонкая полоса мелкой гальки и море. Лодки, кстати, тоже не обнаружилось. Наверное, лодку придется искать в другом месте.

Иван раздевался на ходу. Сбросил кроссовки и шорты, с разбегу бухнулся в воду. Хорошо! На самом деле хорошо! А остров не так и далеко, если бы не снаряжение, до него вполне можно добраться и без лодки, вплавь. И ласты с маской надо купить. Утром тут, наверное, штиль, можно будет понырять.

Он плавал, присматривался, примерялся к острову, оттого и не заметил этих двоих. Они стояли у самой кромки моря: парень и девушка. Парень чуть постарше, девушка чуть помоложе, но очевидно – что брат и сестра, потому что похожи так, как могут быть похожи лишь родные по крови люди.

– Ты кто вообще такой? – Парень смотрел на Ивана с презрительным прищуром, его длинные, слипшиеся от воды волосы трепал ветер. – Ты в курсе, что это частный пляж?

Значит, все-таки частный, а не дикий, как ему подумалось сначала. А эти двое, выходит, тоже из поместья. Гости загадочной Агаты? Родственники?

– Так что забирай свои манатки и вали отсюда! – Парень пнул босой ногой валяющиеся на берегу шорты. – Смотри, Ксю! – Он обернулся к сестре. – Местные совсем ошалели! Лезут и лезут, как тараканы!

Ксю, загорелая, белокурая, длинноногая и вообще фигуристая, на братца не смотрела, она смотрела на Ивана. Задумчиво, словно решала, как с ним поступить.

А Ивану расхотелось купаться, пропало настроение. На берег он вышел молча, и так же молча сначала поднял, а потом отряхнул от песка свои шорты, подхватил оставленные на прибрежном камне солнцезащитные очки.

– Чувак, ты глухой? Ты слышал, что тебе велели?

А так хорошо все начиналось. Иван вздохнул, надел очки, улыбнулся белокурой Ксю.

– Привет, – сказал, обращаясь исключительно к ней. – А здесь где-нибудь есть лодки?

– Есть. – Ксю разглядывала его все с тем же пристальным вниманием, даже шаг навстречу сделала, наверное, чтобы лучше видеть. – Только лодки исключительно для своих. – Верхняя губа ее чуть дернулась вверх. Улыбнулась она ему так, что ли?

– Так я свой. – Иван тоже улыбнулся.

– Прислуге купаться на этом пляже запрещено. – Брат Ксю скучал. Или ему просто напекло голову и хотелось чего-нибудь этакого? Иван пока не разобрался.

– Дим, ты что, дурак?! – Ксю глянула на братца с жалостью. – Какая прислуга? Ты на очки его посмотри.

– Китайские. – Дим пожал плечами.

– Оригинальные. Уж поверь, я разбираюсь. Баксов пятьсот, не меньше. И плавки. – На плавки она глянула совсем уж многозначительно, прямо захотелось прикрыться фиговым листочком от этакого сканера. – И вообще… – Ксю улыбнулась Ивану белозубой улыбкой и волосы откинула назад таким жестом, что просто загляденье. А может, и неплохой окажется отдых. Скалы есть, красивая Ксю есть. А с воинственным Димом он уж как-нибудь разберется.

– Ты кто? – спросила Ксю.

– Я Иван. – Он тоже улыбнулся, сдвинул очки на лоб, чтобы лучше разглядеть этакую красоту.

– И откуда ты, Иван?

– Из Москвы.

– Видишь, Дим. – Она снова обернулась. – Иван из Москвы, а не из какого-нибудь Мухосранска. Наш человек! – сказала и плеснула ножкой по воде. – А приехал Иван?.. – Идеальная бровь вопросительно поползла вверх.

– А приехал Иван по приглашению Агаты… – он запнулся, вспоминая фамилию.

– Адамиди, – помогла Ксю. – Агата Адамиди! Вот как зовут нашу чертову бабку.

– Ксю! – с упреком и, кажется, со страхом, одернул сестру Дим. – Что ты несешь?

– Правду! Я, Димитрис, несу в этот мир красоту, свет и правду! А что бабка наша – чокнутая старая ведьма, так это ни для кого не секрет.

Для Ивана это был вполне себе секрет, но признаваться в этом он не стал. Как не стал он удивляться вычурному имечку братца Ксю. Димитрис – ишь ты!

– А Иван из Москвы нам с тобой не конкурент, потому как не родственник. И вообще, мне ни один из вас не конкурент! – сказала и гордо вздернула идеального абриса подбородок. Ну точно богиня пенорожденная. И характер, кстати, соответствующий.

– Ага. – Дим, который на самом деле оказался Димитрисом, глянул на сестрицу с непонятной злостью и завистью. – Ты только про Юну не забывай. Вот она как раз и родственница и конкурентка.

– Юна? – Ксю снова вскинула вверх брови, на сей раз презрительно. – Ты шутишь, Дим? Ты думаешь, если Агата станет выбирать между мной и Юной, у этой бедняжки останется хоть один шанс?

– А точно будет выбирать Агата? – Эти двое говорили о чем-то только им одним понятном. Ивану стало скучно. А есть захотелось просто невыносимо, аж живот свело.

– Дим, ты дурак, что ли? Ты действительно веришь во все эти бредни? – Ксю подняла над головой руки, привстала на цыпочки, всем своим стройным, фигуристым телом вытягиваясь к солнцу. Получилось красиво. Просто загляденье!

– Главное, что в них верит Агата, а спорить с Агатой не станет никто, даже мама.

– И мы не станем. – Ксю глянула на брата как-то странно, со значением. – Я просто возьму то, что полагается мне по праву, и все. – А потом она перевела взгляд на Ивана, спросила тоном радушной хозяйки: – Ты, наверное, еще не видел нашу виллу? Хочешь, покажу?

Ивану не хотелось на экскурсию, ему хотелось перекусить, но отказываться от предложения Ксю он не стал. Глядишь, где-нибудь по пути и удастся урвать чего-нибудь съестного.

Возвращались другой дорогой. Шли по кромке прибоя в сторону цивилизации. Первым Дим, следом Ксю и Иван. Пока шли, Иван разглядывал остров.

– Нравится? – Ксю проследила за его взглядом. – Это остров Медузы.

– Той самой, что на вашем фамильном гербе? – Он вспомнил ворота.

– Той самой. У нас тут, знаешь ли, культ. Повелось еще с незапамятных времен, с тех пор, как наш прапрапрадед Димитрис Адамиди, обосновался на этих берегах. Да-да, Дима как раз в его честь и назвали. Каждый старший сын в нашем роду непременно Димитрис. Традиция такая.

Идущий впереди Дим многозначительно хмыкнул.

– А остров с высоты птичьего полета и в самом деле похож на голову Медузы. Можешь посмотреть на гугл-мэпс. Очень прикольно, кстати, смотрится. Но я думаю, что это не матушка-природа постаралась, а тот самый прапрапрадед. Говорят, мужик он был с большими возможностями и с еще большей придурью. Мы потом сплаваем с тобой но остров. – Она не спрашивала, она озвучивала свое решение, и Дим снова хмыкнул. – Там прикольно. Скалы такие… – Ксю глянула на Ивана, улыбнулась. – Вот точно гигантские каменные змеи. И в воде валуны тоже на змей похожи, особенно если вода уходит.

– А она уходит? – спросил Иван.

– Иногда. Не часто, но бывают большие отливы. Какой-то местный феномен. Или чудо. Это уж кому как нравится. Но говорят, иногда случаются такие отливы, что до острова можно добраться вброд. Мы один такой как раз и ждем.

– Зачем? – Иван и сам не заметил, как историей острова увлекся сильнее, чем фигурой Ксю.

– Чтобы попасть в лабиринт. Там, в недрах острова, есть лабиринт. Ну, если верить семейной легенде. Обычно вход в него затоплен, но в ночь большого отлива в него можно войти беспрепятственно. Не всем, разумеется. – Она снова глянула на Ивана, взгляд ее на сей раз был

загадочный и немного высокомерный. – Попасть в лабиринт Медузы могут только женщины, в жилах которых течет ее кровь.

– Кровь мифической Медузы? – Да уж, красива девица, но, увы, не умна.

– Такова легенда. Прикольно, правда? Ты тут у нас еще и не такого наслушаешься. Готовься. Если бабка войдет в раж, она понарассказывает всякого. Ей бы в психушку, а не империей управлять!

– Ксю! – Дим обернулся, посмотрел на сестрицу с укором, а потом еще и по сторонам глянул, не подслушивает ли их кто. – Что ты несешь, систер?! Да еще при постороннем. – На Ивана он тоже глянул, во взгляде его была волчья какая-то злость.

– А тут не бывает посторонних, Димитрис! Если старуха его пустила на виллу, значит, у нее на него какие-то планы.

– Он чужак! Какие у Агаты могут быть на него планы?

Ксю ничего не ответила, пожала точеными плечами. Еще секунд двадцать они шли молча, а потом Дим вдруг остановился.

– Что? – Ксю уперлась руками брату в спину, заглянула через плечо.

– Ничего. – Дим дернул подбородком куда-то в сторону от моря. Иван проследил за его взглядом.

На одном из шезлонгов, с книжкой в руке сидела девушка. Лица ее было не разглядеть из-за широкополой шляпы, но вот кудри из-под шляпы выбивались такие же роскошные, как и у Ксю. Завидев их, девушка приветственно помахала рукой.

– А вот и наша Юнона, – процедила Ксю сквозь сцепленные зубы, а вслух сказала вполне себе приветливо: – Юна! Познакомься, это Иван. Он приехал из Москвы по приглашению бабушки.

– Привет! – Юна, которая на самом деле настоящая Юнона, отложила книгу, вскочила с шезлонга, расправила подол юбки, сунула босые ноги в сандалии, сдернула с носа очки.

Она тоже оказалась весьма привлекательной. Не такой привлекательной и наверняка не такой фигуристой, как Ксю, но вполне себе. Только в отличие от Ксю выглядела Юна не как девушка с обложки, а как профессорская дочка в этой своей соломенной шляпке. И южный загар ее бледной кожи почти не коснулся. Похоже, Юна не любила загорать.

– А это Юна, наша с Димом кузина. – Ксю разглядывала кузину сквозь внимательный прищур, а Дим так и вовсе отвернулся. – Она прилетела из Питера пару дней назад.

– Мы семьей прилетели. – Юна улыбалась Ивану вполне приветливой улыбкой. – Папа, мама и Афина, моя сестра.

Обалдеть! Да тут на крошечном клочке суши прямо целый божественный пантеон! Вот и Афина нарисовалась. Это ж какими затейниками должны быть родители, чтобы назвать так дочерей?

Наверное, Юна прочла его мысли, потому что понимающе улыбнулась:

– Наш папа – историк, специалист по античной мифологии. Вот поэтому у нас с сестрой такие имена. Но в обычной жизни нас зовут Юна и Фина. Обывателям так проще, правда? – спросила она лукаво.

– Обывателям проще, – согласился Иван. Глубоко в душе он жаждал не лекций по античной мифологии и даже не исследования острова Медузы, а бутерброда с ветчиной. Скорее бы.

– Жарко. – Юна обмахнулась шляпой. – Я не люблю жару, мне нравится питерская погода. Странно, правда?

Странно. Если бы Ивану предложили выбирать между жарой и вечной слякотью, он бы, не раздумывая, выбрал жару.

– Фина тоже плохо переносит солнце. Она вообще не хотела ехать, папе пришлось ее уговаривать.

– Почему? – Вопрос этот Иван задал исключительно из вежливости. Какое ему дело до чужих желаний?

– Потому что Фина еще маленькая, ей только-только исполнилось двенадцать, а инициацию женщины нашего рода могут пройти только в тринадцать лет.

– Поэтому твоя маман каждый день молится всем богам, чтобы Агата протянула как можно дольше, чтобы дожила до тринадцатилетия Финки. – В голосе Ксю слышалось плохо скрываемое раздражение. Только Иван пока не мог понять его причину. Как и причину неприязни между кузинами. – Чтобы шансы вашей чокнутой семейки удвоились.

– Моя мама каждый день молится всем богам за здоровье бабушки, потому что в отличие от вас мы любим ее, а не ее деньги. – Юна продолжала улыбаться безупречно вежливой улыбкой. – Но ты, Ксения, можешь думать так, как тебе больше нравится.

Так же сильно, как Ивану хотелось есть, ему не хотелось становиться свидетелем семейных разборок. Он уже собирался ретироваться, как Юна взяла его за руку. Ладошка у нее была крепкой и горячей, южное солнце сделало-таки свое дело.

– Но тебе это, должно быть, неинтересно. Давай, я лучше покажу тебе виллу.

– Мы сами покажем! – Ксю взяла его за вторую руку. Детский сад какой-то… Сейчас еще станут тянуть в разные стороны.

Не стали, синхронно разжали пальцы. Типа, так не доставайся ты никому! От сердца отлегло.

* * *

Осмотреть виллу им не дала Тереза. Она окликнула их как раз в тот момент, как они собирались войти в дом. Если девочки из пантеона кого-то и боялись, так это управляющую. Или не боялись, а не хотели связываться?

– Куда направляетесь, юные леди? – На Ивана с Димом Тереза даже не взглянула, уставилась сразу на Ксю с Юной.

– Хотим показать Ивану виллу, Тереза Арнольдовна! – Юна говорила вежливо и так же мило улыбалась. – Не беспокойтесь, в бабушкины покои мы его не поведем.

Лучше бы они отвели его на кухню, к булочкам и бутербродам. Потому что до ужина Иван может и не дотянуть, помрет с голоду.

Тереза уже собиралась им что-то сказать, когда послышался рев мотора и на подъездной аллее показался черный «Мерседес». Юна с Ксю удивленно переглянулись, а Дим отступил в сторону, почти слился с тенью от дома. Тереза же, наоборот, подалась вперед, навстречу автомобилю, замерла в позе напряженного ожидания, скрестила на груди руки.

Первой открылась дверца со стороны водительского сиденья, и из салона вышел крупный, седовласый мужчина в дорогом, явно на заказ сшитом костюме. Он обменялся с Терезой многозначительными взглядами, обошел машину и распахнул одну из задних дверей, протянул руку, помогая выбраться блондинке лет тридцати пяти – сорока. Блондинка была красива какой-то искусственной, голливудской красотой, а на окружающий мир смотрела с деланым равнодушием, почти презрением. По крайней мере, Ивану так показалось.

– Боже, какая жарища! – сказала она бархатным сопрано и обмахнулась микроскопической сумочкой. – Доминика, детка! Выходи, мы прибыли!

Доминика. Иван едва удержался от саркастической улыбки. Еще одно дивное имечко. Уже не из пантеона, но тоже вполне себе вычурное. Наверняка такой же вычурной должна оказаться и его счастливая обладательница.

Вот только счастливая обладательница выбираться из нутра «Мерседеса» не спешила. Иван ее понимал: из кондиционированной прохлады да в этакое пекло. Не всякая Доминика способна на такой подвиг.

– Я прошу вас, Ника!

Седовласый мужчина распахнул дверцу пошире. Голос его звучал ровно и беспристрастно, а вот в лице Терезы Арнольдовны что-то изменилось, словно трещинки побежали по гранитному барельефу.

– Это что еще за хрень? – Ксю бросила вопросительный взгляд на Юну. В ответ та лишь недоуменно пожала плечами.

А из «Мерседеса» уже выбиралась Доминика. Иван приготовился увидеть третью богиню или как минимум девушку из высшего света. Приготовился восхищаться.

Да вот не пришлось. Под яркий солнечный свет выбралось нечто совершенно невыразительное и блеклое. Если бы не имя, Иван даже не сразу понял бы, какого рода это нечто. Рваные на коленках джинсы, изношенные кеды, вытянутая футболка с логотипом «Металлики», тщедушное тело и копна торчащих во все стороны волос. Вот ты какая, Доминика! Совсем не похожа на небожительницу и девушку из высшего света. А лица не разглядеть из-за огромных солнцезащитных очков. Ни лица, ни взгляда не разглядеть у этой Ники-Доминики.

– Это вы Агата? – Голливудская блондинка тем временем порывалась заключить в объятия Терезу. – Я Наталья, очень рада познакомиться! И спасибо за приглашение!

– Я не Агата. – Тереза отступила на шаг. На голливудскую блондинку Наталью она смотрела разве что не с отвращением. – Я Тереза Арнольдовна, управляющая виллой «Медуза».

Стоило прозвучать последней фразе, как и приветливость и улыбка исчезли с идеального голливудского лица. Надо же, лицо идеальное, а имя такое банальное. Небывалая странность для здешних мест.

– Ясно. Управляющая… – А в голосе послышались оскорбленные нотки. Но лишь на мгновение. Блондинка быстро взяла себя в руки, обернулась к седовласому и девчонке. – Артем Игнатьевич, друг любезный, вы уж распорядитесь, чтобы нам с Доминикой обеспечили достойные условия. Вы же видите, какая она.

Доминика, которая все это время, словно маленькая девочка, цеплялась за рукав седовласого, вдруг дернула головой с такой силой и злостью, что черные очки слетели на землю. На свидетелей этой сцены она уставилась удивительными, почти прозрачными и оттого пронзительными глазами. Вроде бы на всех сразу уставилась и одновременно на каждого в отдельности. От этого отстраненного, прозрачного взгляда по спине у Ивана поползли мурашки. И жарко ему больше не было, холодком повеяло даже.

А блондинка с мученическим стоном подобрала с земли очки, принялась пристраивать их на место. Она пристраивала, а Доминика строптиво мотала головой, как маленькая. Цирк!

– Доминика, не нужно снимать очки, я прошу тебя. – Не голос, а змеиное шипение. – Прояви хоть каплю благоразумия, детка.

Детка ничего не ответила своей сверхзаботливой матушке, в рукав седовласого вцепилась теперь обеими руками. На Ивана и остальных она больше не смотрела, или это просто из-за темных очков он не видел ее взгляда. Зато взгляд Терезы разглядел очень даже хорошо.

– Молодые люди, вы, кажется, шли в дом? – сказала управляющая таким голосом, от которого и в Сахаре мог бы выпасть снег. – Вот и идите. Здесь вам не цирк!

– А что это вообще такое? – Ксю уходить не спешила, Ксю рвалась к Доминике, наверное, чтобы посмотреть на нее вблизи.

– Это гости Агаты. – Тереза заступила ей дорогу. – Ваша бабушка лично их пригласила. Вам довольно этой информации, Ксения?

Ксю зло дернула плечом, но остановилась.

– С каких пор бабушка приглашает в гости всяких… – она поморщилась, – всяких дешевых побирушек? – Получилось язвительно и громко. Достаточно громко, чтобы налилось краской возмущения лицо Натальи, чтобы нахмурил брови седовласый, чтобы медленно-медленно обернулась Доминика. У нее было такое лицо… Вот словно бы ожившая вдруг статуя посмот-

рела на Ксю невидящим взглядом. Вот словно бы Медуза с фамильного герба Адамиди вдруг открыла глаза.

– Прочь, – сказала Тереза очень тихо и очень выразительно. – Если вы не хотите неприятностей, пойдите немедленно прочь! – Смотрела она на Ксю, но посыл касался их всех.

Ивану вдруг стало стыдно, а еще невыносимо обидно, что он теряет драгоценные летние дни на вот эти чужие семейные разборки.

– Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты! – А Тереза уже шла к дому. – Следуйте за мной, не отставайте!

– Охренеть! – Ксю зло пнула носком сандалии камешек. – Еще какая-то ненормальная на нашу голову!

– Она никто. – Юна задумчиво смотрела себе под ноги. – Она нам не помешает.

– Мне вообще никто не помешает! – Ксю вздернула подбородок, зло глянула на Юну. – Я такая единственная! И плевать, что твой чокнутый папаша назвал вас с сестрой именами богинь! Никакие вы не богини!

Юна не ответила, лишь виновато посмотрела на Ивана. А Иван не выдержал:

– Слушайте, в этом доме где-нибудь можно поесть?

– Можно. – Юна взяла его за руку. – Пойдем, я отведу тебя к Рафику.

Рафиком оказался тучный пожилой мужчина в безупречно белом поварском костюме. Он царил на просторной, прохладной кухне и, казалось, заполнял собой почти все пространство.

– Вот привела вам еще одного голодающего! – Юна подтолкнула Ивана к столу, сама уселась на высокий табурет, прихватила из вазы персик. – Тереза Арнольдовна не озаботилась тем, чтобы накормить его с дороги.

– Тереза Арнольдовна не озаботилась, так Рафик Давидович сейчас озаботится! – Повар заговорщицки подмигнул Ивану. – Только ты, парень, сильно не наедайся, через два часа ужин. Хочешь, бутерброд с семгой сварганю?

Иван хотел. И бутерброда, и зеленого чаю, и вот даже персиков.

– А ты, значит, тоже из этих? – Рафик окинул его хитрым взглядом.

– Из каких? – Бутерброд оказался невероятно вкусный. Или просто это Иван был очень голоден?

– Тю! Он не знает, Юночка! – Рафик перевел взгляд на Юну. – Он приехал на виллу «Медуза» по приглашению самой Агаты Адамиди накануне ночи большого отлива и ничегошеньки не знает! Зачем нам такой кавалер, Юночка? Кстати, – он огляделся по сторонам, понизил голос до шепота, – сегодня приехали еще два кавалера. Я видел их своими собственными глазами. Весьма достойные молодые люди!

– Рафик Давидович, – сказала Юна с мягким укором, – вы в самом деле считаете, что все наши гости должны знать про ночь большого отлива?

– Но про посвящение они-то просто обязаны знать! – Рафик подмигнул ничего не понимающему Ивану. – Если уж их выбрали для такого ответственного мероприятия.

– Какого мероприятия? – А есть вдруг сразу расхотелось. Не любил Иван, чтобы его куда бы то ни было выбирали без его ведома. – Вы уж поподробнее, уважаемый Рафик Давидович.

– Гордый! – Рафик улыбнулся. – Уважаю! Я тоже таким был в твои годы. Гордый молодой орел. И красивый! – Он воздел глаза к потолку, вздохнул. – Вот мне бы тогда оказаться на твоем месте, парень! Эх. – Он снова вздохнул и перестал разглядывать потолок.

– Так все-таки. – Ивану не хотелось слушать про молодость Рафика Давидовича, ему хотелось понять, в какую игру втянул его отец.

– Будет бал! – Рафик Давидович взмахнул руками, как крыльями. – Бал в честь прелестных внучек Агаты. Тех, что вошли в возраст и силу, тех, что расцвели, как розы. Это давняя традиция рода Адамиди.

– Очень давняя, – подтвердила Юна с улыбкой. – Последний раз ночь посвящения проводилась больше пятидесяти лет назад для бабушки Агаты и ее сестры. Я не знаю подробностей, но папа обещал, что будет невероятно интересно. У нашей семьи и в самом деле очень глубокие корни и очень давняя история. – Она обернулась к повару: – Рафик Давидович, вы сказали, еще два кавалера. С Иваном их получается уже три. Я не понимаю, зачем три? Фина еще маленькая, она не может принимать участие в посвящении. Или бабушка изменила правила игры? – В голосе ее вдруг послышалась тревога.

Иван тоже тревожился, потому что в кавалеры он не записывался. У него на этот отдых имелись свои вполне конкретные планы.

– Не знаю, Юночка. – Рафик, кажется, и сам был озадачен. – Может, Агата изменила правила игры, а может, Рафик Давидович, старый дурак, что-то напутал.

Правила игры. Все интереснее и интереснее. Мало того что на вилле намечается какой-то бал, так еще и игры с правилами! Надо было сопротивляться из последних сил и вместо моря лететь на Кавказ.

– И девочку какую-то странную сегодня привезли. – Юна говорила задумчиво, словно сама с собой разговаривала. – Не нашего круга точно. Скажите-ка, Рафик Давидович, а бывало так, чтобы на посвящении присутствовали посторонние девочки?

– Не знаю, Юночка. – Повар пожал плечами. – Может, Агата решила, что чем больше народу, тем веселее?

– Чем больше народа, тем меньше кислорода, – сказала Юна шепотом, а потом улыбнулась. – Но, с другой стороны, может получиться очень забавно. Ксю не любит конкуренток.

Это она сейчас о Нике-Доминике? Если о ней, то совершенно зря. Какая из Доминики конкурентка? Ведь сразу видно – не тот масштаб. Вслух Иван ничего не сказал, молча жевал бутерброд и прикидывал, где бы найти лодку для вылазки на остров Медузы. Посвящения у них там или инаугурация, ему плевать. Ему нужны только море и скалы. А тайны мадридского двора его совершенно не касаются. Была бы его воля, на ужин он бы вообще не пошел.

Но на ужин идти пришлось, на этом особенно настаивал отец. Отец настаивал на ужине, а Тереза, которая посетила Ивана за час до мероприятия, особо настаивала на дресс-коде.

– И чтобы никаких джинсов, молодой человек. – Она говорила спокойным, механическим голосом. Ну точно андроид, а не управляющая! – Допускается отсутствие галстука, но брюки и сорочка обязательны.

– А если у меня нет? – попытался он отстоять свое право на джинсы.

– А если нет, я распоряжусь, чтобы принесли. – Тереза оставалась невозмутимой. – И обратите внимание на обувь. Туфли должны быть в идеальном состоянии. А если их у вас нет…

– …То вы распорядитесь, и их мне принесут.

– Да, я распоряжусь. – Женщина-андроид не чувствовала ни сарказма, ни иронии. Бывают же такие!

– У меня все есть, благодарю.

– В таком случае, ужин в девятнадцать тридцать. И попрошу не опаздывать.

* * *

Они не опоздали, пришли вовремя. За огромным длинным столом уже кое-где сидели гости. А там, где не сидели, рядом с приборами стояли таблички с именами. Кто бы сомневался в наличии у Терезы жажды тотального контроля! Свою табличку Иван нашел рядом с Ксю и Димом. Эти двое уже скучали за столом. Дим глазел по сторонам, а Ксю нервно поигрывала серебряным ножиком. Была она, надо признать, чертовски хороша в шелковом платье, пошитом на античный манер, с высокой, тоже на античный манер уложенной прической и изящной капелькой розового жемчуга на загорелой шее. А Диму строгий серый костюм явно

не нравился, молодой человек то и дело дергал ворот белоснежной сорочки, словно пытался избавиться от удавки. Иван его понимал и даже сочувствовал.

Юна с сестрицей Афиной сидели напротив. В отличие от роскошного наряда Ксю их платья были вполне пристойными, без декольте и прочих милых мужскому глазу излишеств. Но строгость кроя не отменяла красоты и стиля. И если малышка Афина в вечернем платье смотрелась чуть забавно, то Юна очень даже. И очки свои она, наверное, заменила на контактные линзы, оттого и казалась взрослее и интереснее, чем тогда, на пляже. Рядом с Юной и Афиной сидели двое. Наверное, те самые кавалеры. Тот, что оказался возле Афины, блондин с узким, аристократическим лицом и креативной, сложносочиненной прической, время от времени поглядывал на скучающую Ксю. Ивану тоже достался полный узнавания, злости и пренебрежения взгляд по-рыбьи снулых глаз.

Как же тесен мир! Этот крашеный и сложносочиненный однажды уже встречался на жизненном пути Ивана. Три года назад в закрытой английской школе для мальчиков. Той самой школе с железной дисциплиной и чопорными учителями, в которую отец имел неосторожность Ивана определить. Отец рассчитывал, что английская, веками оттачиваемая метода сделает из его сына настоящего джентльмена, блестяще образованного, с безупречными манерами и оксфордским произношением. Манерам и произношению Иван более-менее обучился, а в джентльмены так и не выбился. Из-за вот этого сложносочиненного по имени Олег Троекуров. Олежек был купеческим сыном, как сказали бы о нем в иные времена. Отец его, Вадим Троекуров, торговал всем и помногу, держал в своих крепких руках едва ли не четверть табачного бизнеса страны. Вадим Троекуров тоже хотел, чтобы из сына Олежки сделали джентльмена. А Олежка хотел бухать, закидываться коксом и править миром. Да, да, в закрытой английской школе у него получалось и первое, и второе. Только с третьим вышла неувязочка. Из-за Ивана вышла. Их противостояние закончилось сломанным носом для Олежки Троекурова и исключением из элитной школы для Ивана. У их отцов, кажется, тоже случился небольшой конфликт, но они его быстро урегулировали. Вот и сейчас руки друг другу пожали крепко, со сдержанными улыбками, а потом строго глянули на сыновей.

– Серебряный! – Олежек родительских взглядов не замечал, потому что собственный его взгляд теперь был прикован к Ивану. – Ты какими судьбами здесь, убогий?

Захотелось встать, намотать на кулак модный галстук и хряснуть Олежку мордой об стол, второй раз проверить на прочность его идеальный римский нос, испортить сложносочиненную прическу. Но целый год в закрытой английской школе все-таки сделал свое черное дело, научил Ивана сдержанности. Поэтому единственное, что он себе позволил, это легкий наклон навстречу отпрянувшему вдруг Троекурову.

– Да так, – он говорил с вежливой улыбкой, – решил, Олежка, проверить, как там твой нос. И вообще, – его улыбка из вежливой сделалась многозначительной. А это уже не закрытая английская школа, это уже школа жизни! На тренировках и в походах всякое случалось, всякому приходилось учиться, и не только идеальному оксфордскому произношению. – Мы тогда с тобой, кажется, не договорили.

– Вы знакомы, что ли? – Ксю перестала скучать, смотрела на них с интересом.

– Были. – Иван откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

– Дружили, наверное? – вежливо поинтересовалась Юна.

– Не то слово! – ответствовал Иван так же вежливо и перевел взгляд на второго, того, что сидел у Юны про правую руку.

Второй был не так изыскан и не так аристократичен, как Троекуров. Лицо имел простоватое, стрижку незатейливую, под «бокс», зато фигуру накачанную. Бицепсы с дельтами под тонкой тканью рубашки так и перекатывались, так и перекатывались.

– А это Вадим! Вадим Лазицкий, мой хороший знакомый, – представила качка Юна.

– Тоже небось из питерских? – скучающим голосом спросила Ксю и повела плечом. Очень эффектно повела, Иван вмиг забыл и про Олежку Троекурова, и про его поломанный нос. Смотрел бы и смотрел на эти плечи и эти ключицы. Ну и на то, что пониже, смотрел бы, коль показывают.

– Почему из питерских? – Вадик вздохнул, подцепил на вилку кусок вяленого мяса. – Мы с Юноной по Интернету познакомились, а потом выяснилось, что и родители наши того… тоже знакомые.

Родители тем временем сгруппировались на противоположном конце стола. Отец о чем-то вполголоса разговаривал с Троекуровым-старшим и временами кидал на Ивана предупреждающие взгляды. Крупный, коротко стриженный мужчина, очень похожий на Вадима Лазицкого, что-то внимательно изучал в своем телефоне, а вот остальные… Остальных было четверо. Иван решил, что это родственники, родители Юны с Афиной и Ксю с Димом. Отцы их, несомненно, были похожи. И друг на друга, и на античных богов. Вот только один из богов носил мешковатый, словно с чужого плеча костюм и очки в профессорской оправе, а второй выглядел богом, которому доверили заведовать модным домом. И супруга была ему под стать: высокая, стройная, в изящном вечернем платье, с тщательно уложенными платиновыми кудрями, с лицом, совершенно лишенным признаков возраста. Ксю была ее почти точно копией. Или стала бы со временем. А мать Юны не отличалась ни особой красотой, ни особой породистостью, вид имела строгий и сосредоточенный. Если не профессорская жена, то сама профессорша, без очков, зато с гладко зачесанными русыми волосами и ниткой жемчуга на тонкой шее. Наверное, Юне с Афиной повезло, что они родились похожими на отца.

И еще что-то, определенно, не заладилось в божественной семье. Если не между братьями, то между их женами точно. Иван не слышал, о чем они разговаривают, но выражения их лиц видел отлично. Дамы не ладили между собой, и это еще мягко сказано. Причину такой явной взаимной неприязни Иван не знал, да и знать не хотел. Интересовало его другое. К столу до сих пор не вышла ни загадочная Агата, ни Ника-Доминика со своей маман.

Впрочем, нет, кое-кто уже появился. И стоило только этому кое-кому переступить порог, как все разговоры за столом моментально стихли.

Ника-Доминика вышагивала рука об руку с тем самым седовласым мужчиной, которого они уже видели на парковке. Наверное, шаг ее был бы решительным, если бы не высоченные каблуки. Представить на таких каблуках Ксю Иван мог запросто, а вот Доминику… Сказать по правде, на Доминику вообще не хотелось смотреть, так нелепо и так неуместно она выглядела в дешевом, карамельно-розовом, кукольном каком-то платье, на этих вот каблучищах. А была еще и бижутерия! Нет, не украшения, а ужасные, вульгарно полыхающие в сдержанном свете свечей искусственные кристаллы. С чувством меры и чувством вкуса у Ники-Доминики обнаруживались явные проблемы. Впрочем, как и у ее маман.

Маман тоже вышагивала на каблуках, но в отличие от дочки делала это весьма умело. И платье на ней было не таким дешевым и кукольным, но все равно неуместным и вульгарным.

Слишком много алого… Так бы, наверное, сказала Иванова мама.

Красивая, как пожарная машина… Так бы наверняка сказал Иванов отец.

Вот такой она и была, слишком алой и слишком красивой. Но хотя бы красивой, в отличие от своей дочери.

– Что это на ней за тряпка? – шепотом спросила Ксю. Вопрос был риторический, но Олежка Троекуров согласно кивнул. Уж Олежка-то со своей сложносочиненной прической знал толк в стиле и красоте.

– А в ушах у нее, по ходу, катафоты! – сказал он и брезгливо поморщился. – Глянь, как светятся!

Обращался он исключительно к Ксю. Наверное, почуял в ней родственную душу.

– Бедная девочка, – сказала Юна шепотом и бросила сочувственный взгляд на Ивана.

А он ведь не сразу понял, почему сочувственный. Хотя мог бы догадаться по пустующему рядом стулу и табличке с написанным на ней именем. Нет, это не Доминика бедная девочка, это он бедный мальчик, которому весь ужин придется провести рядом с вот этим карамельно-розовым недоразумением. Уж лучше бы она явилась к столу в том, в чем приехала. Те шмотки смотрелись на ней как-то органичнее.

А седовласый тем временем уже предупредительно отодвинул перед Доминикой стул и, как только она оказалась рядом с Иваном, обошел стол, уселся рядом с ее матушкой, с правой стороны от все еще пустующего стула хозяйки.

– Привет. – Нужно было что-то говорить, как-то вспоминать те безупречные манеры, которые аж целый год вдалбливали в его голову в закрытой английской школе.

Вроде и не сказал ничего особенного, а Доминика посмотрела на него таким внимательным, таким пронзительным взглядом, что захотелось спрятаться под стол.

– Это ты мне? – У нее оказался неожиданно приятный голос. Пожалуй, голос – вот единственное приятное, что в ней было. Никакая. Лицо с бледной кожей и белесыми ресницами, словно наспех нарисованный карандашный набросок. Яркими на этом лице оказались только глаза, пожалуй, даже слишком яркими.

– Это я тебе. – Он даже кивнул для пущей убедительности. – Я Иван, а ты Доминика?

– Ника. Я Ника, – сказала и сжала кулаки. Зло блеснуло на безымянном пальце дешевое колечко с дешевыми кристаллами. – Никогда не называй меня Доминикой. Понял?

– Понял.

Вообще-то, он сразу все понял про эту ненормальную, и даже печальный взгляд Юны принял с благодарностью, и даже на ироничную улыбку Ксю ответил такой же точно ироничной улыбкой. Ничего, как-нибудь продержится. Кой-чему его все-таки научили в закрытой английской школе. А колечко она сняла, сдернула с пальца едва ли не с остервенением. Интересно, куда дела? Бросила под стол? С такой станется.

– А ты вообще кто такая? – Ксю изящным жестом поправила бретельку античного платья. – Откуда свалилась на наши головы?

Доминика ответила не сразу. Они уже было подумали, что и не ответит, когда она сказала, не поворачивая головы:

– Я никто. Успокойся.

– Вот я и вижу, что ты никто. – Ксю обвела собравшихся требовательным взглядом, словно приглашала в свидетели. – Я только никак не могу понять, что ты со своей вульгарной мамашкой делаешь за этим столом. – И ножиком постучала по фарфоровой тарелочке для пущей убедительности.

– Ксения, перестань. – Взгляд Юны по прежнему излучал жалость и понимание. – Не нужно смущать нашу гостью.

– Ты еще скажи, что надо быть терпимее к людям третьего сорта. – Теперь Ксю поправляла уже не бретельку, а завитую прядь волос. Она поправляла, а Иван не мог оторвать взгляда от тонких, лишенных даже намека на маникюр пальцев Ники-Доминики.

Пальцы жили своей собственной жизнью, тихонечко поглаживали льняную скатерть, тянулись к ножу. А когда дотянулись и сжали его рукоять с такой силой, что побелели костяшки пальцев, Иван сжал узкое запястье.

– Положи, – шепнул в стремительно розовеющее то ли от обиды, то ли от ярости ухо. Он бы поставил на ярость. – Положи, я сказал. – И запястье сдавил чуть сильнее, лишь затем, чтобы она разжала пальцы.

Вот только она не разжимала, побелела лицом, потемнела взглядом, но продолжала держать чертов нож. А ведь взгляд такой… почти сумасшедший. Еще пырнет кого ненароком в порыве душевных страданий.

Так они и сжимали: она нож, а он ее руку. Со стороны, наверное, это выглядело мило. Вот она ему улыбается! Вот он ей помогает разобраться со столовыми приборами! Но они-то двое знали правду. Ей было больно, потому что теперь побелели от усилия уже костяшки его собственных пальцев. А ему было неловко и дико от всей этой ситуации. И страшно разжимать руку. И страшно отпускать ее запястье.

– Не надо глупостей, Доминика.

Дернулась. На мгновение показалось, не удержит. На мгновение показалось, что вот этот серебряный ножик сейчас вонзится ему в глаз. На радость Олежке Троекурову.

Удержал. И даже нашел в себе здравомыслия сказать:

– Пожалуйста.

Разжались пальцы, и серебряный ножик упал сначала на тарелку, а потом и под стол. Ножик упал, и Ника-Доминика тоже едва не упала. Но удерживать ее он больше не стал. И даже если бы она, как полная дура, полезла под стол за этим чертовым ножом, он не стал бы вмешиваться. Пусть лезет. Чего уж там!

Ей не позволили. По знаку Терезы к Доминике шагнул официант, положил новый нож взамен упавшего. А потом атмосфера в столовой неуловимо изменилась, словно бы сквозняк пролетел над безупречно сервированным столом. Даже пламя свечей качнулось сначала в одну, а потом в другую сторону. А место во главе стола заняла златовласая дама.

Она была немолода. Отрицать этот факт не смог бы никто из присутствующих. Она была красива. И этот факт тоже никто не стал бы отрицать. Раньше Ивану казалось, что красивой женщина может оставаться лет до тридцати, ну максимум до сорока, но женщине во главе стола было далеко за семьдесят, а она по-прежнему оставалась красивой. И стильной. И элегантной. И харизматичной. Внимание она умела завоевывать и удерживать.

На Агату Адамиди, затаив дыхание, смотрели все без исключения. Впрочем, нет, одно исключение было. Оно сидело по правую руку от Ивана, и пялилось на собственные руки. Ну и ладно.

– Добрый вечер! – У Агаты был сильный, властный голос. И пронзительный взгляд. А улыбка немного горькая, словно бы она все про всех знала, и знание это ее не радовало. – Я счастлива, что вы все приняли мое приглашение и явились на виллу «Медуза». – Она так и сказала – «явились». Словно верные вассалы по первому зову. – Я счастлива видеть за этим столом своих близких друзей, деловых партнеров, всех своих детей и всех своих внуков.

Вот интересно, а Ника-Доминика с ее маман кем приходятся Агате?

– Я собрала вас в этом чудесном месте, чтобы возобновить одну старую традицию рода Адамиди.

Ксю с Юной переглянулись. Малышка Фина равнодушно дернула плечом, а их родители напряглись, словно бы вот прямо сейчас за этим столом должны были огласить завещание.

– Ты про ночь большого отлива, мама? – спросил греческий бог, отец Ксю и Дима.

– Так и есть, Никас. – Агата улыбнулась ему сдержанной, совсем не материнской улыбкой. – Пришло время.

– А оно точно пришло? – в нетерпении подалась вперед мать Юны. – Афина еще не может участвовать в инициации.

– А я не могу ждать, когда наступит вторая такая ночь, Софья! – Агата обвела гостей внимательным взглядом. Ивану показалось, что на Доминику она смотрела чуть дольше, чем на остальных. – Но ты не переживай, я не обижу ни одну из своих внучек.

Софья, мать Юны и Фины, откинулась на спинку своего стула. Это был жест крайней усталости и, кажется, злости.

– А не внучек? – Мать Ксю и Дима нервно барабанила по столу изящными пальцами. В наступившей тишине звук этот показался неожиданно громким и неуместным.

– Ты знаешь правила, Зоя. – Агата глянула на Терезу, и по знаку управляющей к столу подошли официанты, принялись разливать по бокалам шампанское. – Посвящение проходят только девочки. Но Димитрис, – она перевела взгляд на Дима, – всегда может рассчитывать на мою поддержку. Точно так же, как на нее могли и могут рассчитывать все мои сыновья.

– Мама, мне кажется, Зоя сейчас не о Димитрисе, – мягким голосом сказал отец Юны и поправил профессорские очки. Ни на кого конкретно он не смотрел, разглядывал узор на скатерти.

А вот Зоя глянула на него с плохо скрываемым раздражением, словно бы ей была неприятна его поддержка.

– Я вижу посторонних за этим столом, – сказала она и вперила взгляд в маман Доминики. Та тут же вскинулась, приготовилась к бою. Но бой не состоялся.

– За этим столом, – Агата говорила медленно, чеканя каждое слово, – присутствуют именно те люди, которых я посчитала нужным пригласить в свой дом. Кто-то хочет оспорить мое решение?

Зоя хотела. Это было видно по тому, как нервно дернулась ее верхняя губа, точно в оскале. Хотела, но не посмела. И остальные тоже не посмели. А Ивану захотелось уйти. Чужие игры его не интересовали. Его интересовали скалы и море. Все!

– Эта девочка, – Агата посмотрела на Доминику очень внимательным, чуть удивленным взглядом, – моя гостья.

Подалась вперед, собираясь что-то сказать Наталья, но Агата остановила ее нетерпеливым взмахом руки.

– Такая же гостья, как и ее мать, и все остальные в этом доме. – Теперь Агата рассматривала Ивана, Олежку и Вадика, долго рассматривала, словно сканировала. – И ко всем, кто оказался за этим столом, я требую должного уважения. Все понятно?

Ей не ответили. Не нашлось смельчака?

– А теперь прошу вас, мои дорогие! Давайте приступим к ужину!

Легкий взмах руки, и царящее в столовой напряжение если не развеялось до конца, то уж точно значительно ослабло. Вот она какая, Агата Адамиди, женщина, изменяющая мир вокруг себя по мановению руки.

Дальше все происходило неспешно и размеренно-скучно, как на любом светском рауте. Играла музыка, позвякивали столовые приборы, искрились хрустальные бокалы, старшие вели тихие беседы, а молодежь откровенно скучала. Первым не выдержал Вадик.

– А что это за посвящение такое? – спрашивал он у всех, но смотрел на Ксю. – Про что это ваша бабка?

– Наша бабушка, – в голосе Юны сквозило плохо скрываемое раздражение, – говорила про ночь большого отлива. Была такая традиция. Девушек рода Адамиди, которые достигли тринадцати лет, отправляли на остров Медузы.

– Зачем? – А это уже Олежка спросил. Спросил у Юны, а посмотрел тоже на Ксю.

– Для какой-то там инициации. – Ксю повела плечом. – Типа, на острове решалось, которой из рода достанется вот это все. – Она обвела взглядом столовую, но было очевидно, что имеется в виду нечто гораздо большее.

– Это такое соревнование, что ли? – Вадик наморщил лоб в попытке осмыслить услышанное.

– Агата называет это по-разному, то испытанием, то жребием, – поправила его Юна. – Наша бабушка и сама прошла это испытание пятьдесят лет назад, еще в молодости. Вот с тех пор она главная.

– А почему это она главная? – Олежка откинулся на спинку стула, с вызовом глянул на Ивана. – Почему какая-то баба всем заправляет?

– Это не какая-то баба! – Юна посмотрела на него с презрением. – Это Агата. И да, в нашем роду власть и деньги передаются по женской линии. Ты понял?

– То есть одна из вас – потенциальная наследница? – Про власть и деньги Олежка все понял правильно. – А остальные?

– Остальные тоже получат свою часть наследства. – Ксю бросила быстрый взгляд на Юну. – Но это будет ничтожная часть. Основное достанется мне, – сказала и улыбнулась улыбкой победительницы.

Юна тоже улыбнулась. А Доминика сидела с каменным лицом, кажется, даже не прислушивалась к тому, о чем говорилось за столом. Оно и понятно, зачем ей чужие семейные традиции. Вот и Ивану они без надобности, но про ночь большого отлива все равно интересно. Что за ночь? Когда случается? И случается ли вообще? Или это просто еще один миф семьи Адамиди?

– И когда ждать? – спросил он. Неплохо бы знать точную дату, когда состоится мероприятие. Может, и не придется торчать тут две недели.

– Что? – в один голос спросили Ксю и Юна.

– Ночь большого отлива и ваша инициация.

– А никто не знает точную дату, – сказала Ксю. – Бабка потом скажет, когда придет время.

– А она откуда узнает? – Все-таки он любил конкретику.

– Она узнает. – Ксю бросила быстрый взгляд на Агату. – Это еще одна фишка нашей семьи. Считается, что перед смертью главной женщине рода бывает видение.

– Перед смертью?.. – Агата не выглядела ни умирающей, ни даже больной, но отец ведь в самом деле интересовался у Терезы ее здоровьем.

– Ксения, прекрати! – Юна оглянулась, словно боялась, что их разговор могут услышать.

– А что такого? – Ксю подцепила вилкой оливку, полюбовалась ею и отправила в рот. – Агата смертельно больна, это ни для кого не тайна. Или ты думаешь, она собрала нас здесь просто так, исключительно ради воссоединения семьи? Да плевала она на семью. Она ждет этого своего… знамения.

– И долго будет ждать? – Иван упал духом. Такого поворота он не предвидел. Интересно, предвидел ли отец?

– А никто не знает! – Ксю вдруг перегнулась через него, обдав облаком дорогих духов, посмотрела на Доминику, спросила злым шепотом: – Чего уши развесила? Это разговоры для своих, а не для всяких.

Первым делом Иван глянул на нож, далеко ли он, на надежном ли расстоянии от Доминики, а потом перевел взгляд на ее лицо. Лицо было каменным и невозмутимым. Только уголок рта едва заметно дернулся. Смотрела Доминика прямо перед собой и поворачиваться к Ксю не собиралась.

– Я с тобой разговариваю, убогая. – А Ксю не собиралась отступать. Видимо, это было не в ее правилах. – Ну-ка быстро встала и пошла отсюда, пока я не позвала охрану.

Вслед за уголком рта дернулись тонкие пальцы. Иван напрягся, готовый к любому развитию событий. А события начали развиваться в совершенно неожиданном ключе. В тот самый момент, когда Доминика наконец посмотрела на Ксю и приготовилась ей что-то ответить, за их спинами нарисовался седовласый.

– Все в порядке? – поинтересовался он с холодной вежливостью и положил ладони на спинку Доминикиного стула.

– Все хорошо, Артем Игнатьевич. – Юна бросила предупреждающий взгляд на Ксю. – Вот решаем, кто покажет Нике достопримечательности нашей виллы.

– Я сам покажу. – Артем Игнатьевич тронул Доминику за плечо. – Вот прямо сейчас и покажу. Ника, вы ведь не станете возражать?

Она не стала. Наоборот, она, кажется, даже обрадовалась. И в руку Артема Игнатьевича вцепилась так, как утопающий цепляется за спасательный круг.

Со стороны они казались странной парой: этот седовласый, дорого и элегантно одетый мужчина и растрепанная девчонка в вульгарном кукольно-розовом платье. Но ведь что-то их точно объединяло.

Наверное, Ксю тоже так показалось, потому что, стоило Артему Игнатьевичу и Нике скрыться из виду, как она порывисто, вместе со стулом, отодвинулась от стола, спросила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Это что вообще такое? Почему он носится с ней, как с писаной торбой?

– Неправильный вопрос. – Юна задумчиво вертела в руках салфетку.

– И какой, по-твоему, правильный?

– Правильный? – Юна глянула на Ксю. – Кто она такая? Вот какой вопрос правильный.

* * *

Ника задыхалась. А еще хотела умереть. Только не здесь, в этом наполненном запахами, звуками и чужими злыми эмоциями месте, а забиться куда-нибудь под камень и уже там умереть. Наверное, так плохо ей не было со времен психиатрической больницы. И страшно… Все чужое, непонятное, темное, готовое напасть и укусить в любую минуту.

– Вы привыкните, Ника. – Артем Игнатьевич крепко держал ее за руку. Только он один был сейчас для нее опорой в этом враждебном мире.

– К этому нельзя привыкнуть. – А мир менялся. Стал тише, наполнился ароматами цветов и близкого моря. Ника никогда не была на море, но знала – именно так оно и должно пахнуть. – Они меня ненавидят.

Ненавидят. Она не могла видеть тех, кто сидел с ней за одним столом, но их черные мысли чувствовала прекрасно. Их было шестеро: три девушки и три парня. Девушки ненавидели ее сильнее остальных. Особенно та, которую все называли Ксю. А у парней она вызывала любопытство. Ну еще бы! Когда это замарашек пускали на светские рауты?! Если только в сказках. А тот, кто сидел рядом, тот, который крепко, до боли, сжал ее руку и удержал от необдуманного и опасного поступка, кажется, испытывал к ней не только любопытство, но еще и жалость. В ее положении жалость еще хуже ненависти, она сродни презрению.

– Они так воспитаны. Сожалею. – Теперь под ногами не было скользких мраморных плит, которые на каждый шаг отзывались гулким эхом. Теперь под ногами что-то мелко и приятно шуршало.

– Куда вы меня ведете? – На самом деле ей было все равно, куда ведет ее этот немногословный человек, главное, чтобы как можно дальше от остальных.

– К морю. Я хочу показать вам море, Ника.

– Показать… – Она горько усмехнулась.

– Когда вам будет больно и страшно, когда вас будут обижать, а рядом не окажется меня, вы должны думать о том, ради чего все это.

– Ради того, чтобы увидеть море?

Она уже не верила в чудеса. Раньше верила, а теперь вот перестала. Не помогут ей никакие врачи. Да и предполагаемая бабушка тоже. Она ведь даже не пожелала познакомиться ни с Никой, ни с Никиной мамой, делегировала все полномочия женщине с бесчувственным, точно механическим голосом – Терезе Арнольдовне. А Тереза Арнольдовна не церемонилась, не проявляла терпения и такта, как Артем Игнатьевич. Никину руку она сжала стальной хваткой, потащила за собой. А пока тащила, инструктировала:

– Агата распорядилась, чтобы вы жили отдельно от своей… матери. – По голосу чувствовалось, что решение хозяйки она целиком и полностью одобряет. Ника его тоже одобряла, вот

только как она сможет одна в незнакомом месте? – Комнату специально оборудовали под ваши нужды. В ней нет ничего, что могло бы вас травмировать. Углы скруглены, мебели минимальное количество. Все самое необходимое я вам продемонстрирую.

Комната и в самом деле была подготовлена специально для Ники. Ника поняла это, едва переступила порог. Нет, никакого порога не оказалось. И двери не распашные, а раздвижные, и стены приятно бархатистые на ощупь. А скруглены были не только углы мебели, но и углы самой комнаты. На полу в ванной лежало какое-то специальное антискользящее покрытие. А вместо ванны была душевая кабина с низким бортиком. Но даже это не главное. Главное Тереза Арнольдовна припасла напоследок.

– Протяните ладонь, – сказала она скучным голосом. – Не бойтесь, я не кусаюсь.

Это можно было бы расценить как шутку, если бы не ледяной тон.

– Я не боюсь. – Ника протянула руку, и на ее ладонь легло что-то очень похожее по размерам и весу на смартфон. – Что это?

– Это смартфон. – Догадка оказалась верной. – Подарок от Агаты.

– Спасибо, у меня уже есть.

– Это не обычный смартфон. В нем установлена программа GPS-навигации, называется «Ариадна». Вы знаете, кем была Ариадна?

– Я знаю, что такое GPS-навигация. – Конечно, про Ариадну Ника читала, но вот отчего-то захотелось дерзить. Наверное, от страха перед неизвестностью.

– Это специальная программа, которая позволяет слепым людям ориентироваться в пространстве. – А она ее не щадила, эта женщина с крепкими пальцами и механическим голосом, называла вещи своими именами. Слепая, значит, слепая! И нечего тут… – Ваша комната оборудована специальными инфракрасными датчиками. Смартфон начинает вибрировать, как только ловит их сигнал. Основные датчики проложены там, где вы будете перемещаться. Смотрите. – Тереза Арнольдовна сжала Никину руку, ту самую, со смартфоном, потянула за собой. Смартфон мелко завибрировал, и Ника от неожиданности его едва не выронила. – Вот это ваш маршрут, невидимая нить, которая всегда выведет вас к искомому месту, кровати, шкафу, ванной, на террасу. Вибрация исчезает, когда вы отклоняетесь от маршрута. Вот так. – Тереза снов дернула ее в сторону, и смартфон замер. – А так программа реагирует на препятствие на вашем пути. Развернитесь и сделайте шаг вперед.

Ника послушно выполнила приказ. Смартфон снова завибрировал, но на сей раз крупно. Она протянула вперед свободную руку, нащупала стену.

– Понимаете? Сумеете с этим разобраться? – Тереза обращалась с ней, как строгий учитель с нерадивым учеником, но внезапно Ника почувствовала благодарность. Это ведь реальная возможность стать чуть более мобильной. Хотя бы в пределах своей комнаты.

– Да, спасибо. Я разберусь.

– Это экспериментальная модель. Агата заказала ее в каком-то европейском научно-исследовательском институте. Есть ее портативный вариант, который можно носить на теле в виде кулона. Принцип действия тот же. Но нужно немного подождать, специалисты еще не закончили окончательную наладку программы и прокладку инфракрасных маячков на территории виллы. Это займет пару дней, а до этого времени вам придется походить со смартфоном. Вы согласны?

Согласна ли она? Да она уже почти счастлива!

– Кстати, следующая версия будет куда более интересной. Она сможет отличать живые объекты от неживых.

– Это как?

– Я не знаю как. Возможно, по размерам. Или по сердцебиению и дыханию. Не думаю, что в вашем случае это принципиальный вопрос. Для вас куда важнее то, что система работает, а не то, как она работает. Ну-ка, пройдитесь по комнате самостоятельно, а я посмотрю!

Ника прошлась. Дошла до кровати, потом до ванной, снова уперлась в стену, но уже специально, чтобы проверить возможности своей Ариадны, вышла на балкон.

– Тут высокие перила. – Тереза Арнольдовна шагнула следом. – Чтобы вы случайно не упали вниз. Расстояние до земли четыре метра, поэтому, пожалуйста, не экспериментируйте.

На перила Ариадна отреагировала крупной тревожной вибрацией за пару секунд до того, как Ника положила на них ладонь.

– Надеюсь, вам будет комфортно, – скрипела за спиной Тереза.

Ника тоже на это надеялась. На это, а еще на то, что жизнь больше не столкнет ее с теми высокомерными выскочками, которых она встретила по приезде на виллу «Медуза», или Ариадна убережет от столкновения.

Столкнула. Тем же вечером за ужином…

А до ужина столкнула с мамой. Она вошла без стука, и Ника запоздало подумала, что нужно было закрыться на замок.

– Ну что, детка, ты готова? – Голос мамы звенел от нетерпения и азарта. А от нее самой пахло алкоголем. Не сильно, едва уловимо, но Ника почуяла. Обоняние у нее нынче стало звериное. Компенсаторно…

– Не готова. – Зачем врать чужому человеку?

– Не важно. – Мама тоже решила не врать. – Но ты должна понять самое главное: в этом доме мы с тобой одни против всех этих богатеньких буратин. – Мамин голос наполнился горечью и завистью. – Но у нас есть козырь. Да, да – крутейший аргумент. Вот только твоя чертова бабка запретила мне его из рукава вытаскивать. Сказала, что результаты генетической экспертизы еще не готовы, и она не уверена. А пока она не уверена, мы с тобой должны быть тише воды, ниже травы. Представляешь, Доминика?

Ника не представляла. С ней Агата не перекинулась даже парой слов. Зато подарила Ариадну. Это ведь круче пары слов?

– Видишь ли, она сомневается. Во мне и в тебе тоже. Велела держать язык за зубами до тех пор, пока не придут результаты анализов. Она мне угрожала! – В мамином голосе появились истеричные нотки. – Обещала вышвырнуть за дверь безо всякого выходного пособия, если мы проболтаемся. Поэтому, Доминика, я прошу тебя…

– Ника! Я тоже тебя прошу, мама. Называй меня Никой.

– Хорошо, Ника. Никому не говори, что ты ее внучка. – Мама мерила шагами Никину комнату. Ника тоже мерила, прислушивалась к тихой вибрации Ариадны. – Ничего! Мы с тобой им всем еще покажем! Будут знать… Кстати! – Мама остановилась. – Я принесла тебе платье. На ужине мы с тобой должны быть неотразимы. Не хуже, чем эти… богатенькие буратины.

– У меня есть платье.

– У тебя нет платья, Ника! А там званый ужин. Не упрямься детка, надевай. – Никиной руки коснулось что-то скользкое и прохладное.

– Какого оно цвета, мама?

– Темно-синее, почти черное. – Мама ответила без запинки, и это обнадеживало. – Такое, как ты любишь.

Темно-синее, почти черное – это еще полбеды. Плохо, что ткань такая… противная и, кажется, дешевая. Но мама ведь не отстанет.

– И украшения! Вот, дай я тебе надену. Это сережки и колечко. Когда-то покупала для себя. Теперь вот пригодились.

Мама говорила и уже вставляла серьги в Никины уши. Наверное, торопилась, потому что застежка больно царапала мочку.

– Жаль, что с волосами твоими ничего не сделать, – сказала она, когда закончила с сережками. – Это не волосы – а сущая катастрофа.

Катастрофа. Волосы-то и раньше были не особо послушными, а вновь отрастя после операции, когда Нику обрили наголо, стали и вовсе неуправляемыми, начали топорщиться и завиваться. Бабушка сначала пыталась что-нибудь с ними сделать, но очень скоро смирилась. А Нике было все равно. Маме тоже. До недавнего времени. До тех пор пока не выяснилось, что Ника может оказаться богатой наследницей.

Не все равно было лишь тем, кто встретил ее за столом. Но думать об этом сейчас Ника не хотела. Ника думала про лечение и возможную операцию…

– …Я надеюсь, вы его увидите. – Артем Игнатьевич говорил спокойно, почти ласково. – Наука не стоит на месте. Тереза Арнольдовна познакомила вас с приложением?

– С Ариадной? Да. Жаль, что его нельзя использовать вне комнаты.

– Скоро сможете. Потерпите еще чуть-чуть, пока спецы не установят вдоль всех дорожек инфракрасные маячки. А пока позвольте мне побыть вашим проводником.

– Поводырем.

– Кстати, Агата подумывала о приобретении для вас собаки-поводыря, но это дело не одного дня. Возможно, собака вам и не понадобится.

В лицо дохнуло свежестью, закричали чайки.

– Мы уже у моря? – спросила Ника.

– Почти.

– Тогда можно я сниму туфли?

– Конечно. У вас до крайности неудобная обувь. Послушайтесь доброго совета, доверьте подбор гардероба Терезе Арнольдовне. Вкус у нее хотя и довольно консервативный, но все же очень хороший.

Ника сбросила ненавистные туфли, пошевелила босыми пальцами, а потом спросила:

– Артем Игнатьевич, какого цвета мое платье?

– Розовое, – ответил тот после недолгих колебаний.

Сердце сжалось от обиды, а к горлу подкатила злость.

– Насколько розовое?

– Очень розовое.

– Вульгарно?

– Да. – Артем Игнатьевич ее тоже не щадил, но правда из его уст звучала все же достаточно деликатно.

– У меня есть своя одежда! – Не хотелось ни злиться, ни кричать. Как-то само собой получилось.

– Я понимаю. – Артем Игнатьевич снова взял ее за руку. – Но и вы должны понять, Ника, в этом доме все подчиняется определенным правилам. Я поговорю с Терезой Арнольдовной, она все сделает.

Больше они неловкую тему Никиного гардероба не поднимали, молча прогуливались вдоль моря. А потом Ника попросила:

– Можно мне в воду? Я не пойду далеко, просто намочу ноги. Я никогда не была на море. Представляете?

– Уже стемнело. – В голосе Артема Игнатьевича слышалось сомнение.

– Пару шагов по воде. – В голосе Ники слышалась мольба. Во всяком случае, девушка очень старалась, чтобы слышалась.

– Хорошо. Только пару шагов.

Море было теплым. Море было ласковым. Щекотало Никины лодыжки, подсовывало под стопы гладкие камешки. А еще шептало тихим, только ей одной слышным шепотом. Звало.

«Иди сюда, дитя. Дай мне взглянуть на тебя…»

И Ника пошла. Сама не заметила, как пошла на этот зов. А очнулась от уже другого, резкого и встревоженного голоса. Сначала от голоса, а потом и от пощечины.

– …Ника, придите в себя!

Пришла. Даже глаза открыла. Вот только ничего не увидела. Ожидаемо ничего не увидела. Но зато почувствовала, как кто-то тянет ее из воды. Почувствовала, что мокрая с головы до ног, что проклятое розовое платье прилипло к телу и тоже тянет. Только уже вниз, в морскую пучину.

– Что с вами, Ника?! – Артем Игнатьевич заговорил с ней только на берегу, когда босыми пятками Ника уперлась в мокрый песок. – Что вы такое удумали?

Она ничего не удумала. Сказать по правде, она и сама не понимала, что произошло. А вот Артем Игнатьевич, похоже, удумал вполне конкретные вещи. Точно так же, как врачи в психушке.

– У вас еще вся жизнь впереди! И это будет нормальная, полноценная жизнь, уверяю вас! – Он говорил и вертел Нику, как юлу. Наверное, осматривал на предмет повреждений.

– Простите. – И ведь никак не объяснишь, что она ничего такого не хотела и не планировала, что это какое-то затмение, морок. Он не поверит. Он же взрослый и рациональный. – Я не понимаю, как такое вышло. Наверное, оступилась.

– Оступилась. – Он ей не верил, по голосу было слышно. Не верил, но сделал вид, что поверил. – Больше не оступайтесь, прошу вас.

– Я постараюсь.

Его костюм тоже был мокрый. Да и что удивительного? Он ведь как-то доставал ее из воды. Не пожалел дорогого костюма. Добрый, наверное, человек. Вот только Ника в добрых людей верила ровно до того мгновения, пока один из них не ударил ее по голове, погасив весь ее мир на веки вечные. С тех пор вера закончилась.

– Я провожу вас до вашей комнаты. Пойдемте.

А вот сейчас Ника испугалась по-настоящему. Испугалась того, что кто-нибудь из этих… сытых и язвительных увидит ее в таком ужасном виде, в мокром уродском розовом платье.

– Я знаю кружной путь. Не волнуйтесь.

Все-таки Артема Игнатьевича можно было назвать добрым. Но она не станет, чтобы не разочаровываться. Разочарование – это всегда боль. Мама ее научила.

Они и в самом деле прошли в дом незамеченными. Или это просто слепая Ника никого не заметила. По крайней мере, их никто не окликнул, а ее никто не высмеял.

– Пришли. – Артем Игнатьевич открыл перед ней дверь, но сам заходить не стал. – Вы справитесь, Ника?

– Ариадна мне в помощь. – Она прижалась мокрой спиной к шершавой стене. – И спасибо вам большое.

– Пожалуйста. Кстати, с Ариадной можно общаться голосом. Попробуйте. И еще, в ее памяти есть номер моего телефона. Звоните мне, если что.

Вот так. Его номер есть, а потенциальной бабушки нет. Наверное, у богатых так заведено. Вместо ответа Ника кивнула и даже нашла в себе силы улыбнуться.

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – Она дождалась, когда в коридоре стихнут тяжелые шаги, заперла дверь на замок и на зеркальной полочке нашарила смартфон. – Ну, привет, Ариадна, – сказала шепотом.

– Здравствуй, Ника! Чем могу быть тебе полезной? – Голос у Ариадны был приятный, куда менее механический, чем у Терезы Арнольдовны. Вот оно голосовое управление, надо полагать.

– Есть хочу, – сказала Ника, стаскивая с себя ненавистное платье.

– Ты можешь заказать ужин в комнату. Я позвоню на кухню. Озвучить меню?

– Озвучь, – разрешила Ника и, крепко сжимая смартфон в руке, направилась в сторону ванной.

Список предлагаемых блюд был таким длинным, что, уже добравшись до ванной, Ника выслушивала его еще пару минут. Заказать можно было, кажется, все что угодно, но она ограничилась коктейлем из морепродуктов и запеченной кефалью. Кефаль она никогда не ела, просто понравилось название.

– Соединяю с кухней, – мурлыкнула Ариадна, а через мгновение в трубке послышался веселый мужской голос:

– Рафик Давидович на проводе! Что желает юная леди?

Ника рассказала, что желает. Получилось почти без запинок.

– Очень правильный выбор! – одобрил невидимый Рафик Давидович, а потом заговорщицким шепотом сказал: – Я позволю себе присовокупить к вашему заказу комплимент от шеф-повара. Не возражаете?

Ника не возражала. Рафик Давидович за эти пару секунд сделался для нее почти родным. Вот же чудо!

Заказ принесли через пятнадцать минут. Ника едва успела принять душ и накинуть банный халат, как в дверь деликатно постучали. С той стороны стоял сам Рафик Давидович. Ника как-то сразу это поняла.

– Доброй ночи, юная леди! А вот и ваш ужин!

– Спасибо, Рафик Давидович. Вы не могли бы поставить его на столик? – Сказать по правде, Ника не была уверена, что в ее комнате есть столик, но не шарить же слепо в темноте в поисках подноса с едой.

– Разумеется! – Он прошел мимо Ники. Вкусно пахнущий и грузный, судя по шагам и одышке, мужчина, а потом запахло еще вкуснее и что-то деликатно звякнуло. Повар сервировал для нее стол. – Все готово, юная леди!

– Ника. Меня зовут Ника. Спасибо!

– Приятного аппетита, Ника! Если потребуется, звоните в любое время дня и ночи. Рафик Давидович всегда на связи.

Вот и еще один мужчина в списке ее контактов, который всегда на связи. Еще один хороший человек? Или рано делать выводы?

А ужин и в самом деле оказался очень вкусным. И ужин, и пирожное – комплимент от шеф-повара. И шоколадные конфеты, которые она нашла у изголовья кровати. Конечно, плохо есть на ночь, мама бы не одобрила, но мама сейчас далеко. Все они далеко, и можно побыть наедине с самой собой, подумать.

Перемещаться по комнате с Ариадной было легко, почти так же легко, как по бабушкиному дому. Вот только яблоками тут не пахло. Зато пахло какими-то экзотическими цветами. Запах этот доносился из-за приоткрытой балконной двери. И шум моря тоже доносился. Самый обычный шум, без шепота. Но Ника ведь помнила. Или это нервы сыграли с ней такую злую шутку? Нервы, усталость и пережитый стресс.

А может, это отдаленные последствия черепно-мозговой травмы? Врачи предупреждали бабушку, что у Ники могут случаться приступы по типу эпилептических. Ника тогда специально уточнила, чтобы знать наверняка, что ее ждет. Приступы были разные, с судорогами и без. В воде у нее, похоже, приключился второй вариант. Просто кратковременная потеря ориентации и, кажется, памяти. Тревожный признак. Чего уж там. Но тем больше в ней должно быть заинтересованности в том, чтобы доказать свое родство с Агатой Адамиди. Если врачи Агаты сумеют вылечить слепоту, то справиться с какой-то там эпилепсией для них будет раз плюнуть.

Вот с такими оптимистичными, но все равно кажущимися чудовищно нереальными мыслями она и заснула. А проснулась от шелеста волн и света.

…Солнце просвечивало даже сквозь крепко сомкнутые веки, прогоняя сон. Она открыла глаза и огляделась по сторонам. Картинка была привычная: рыбацкая хижина, развешанные на просушку сети, вытянутая на берег, перевернутая кверху дном отцовская лодка.

Отец заболел. Третий день он не выходил в море. Третий день к нему приходила старуха, что жила на Костяном мысе и славилась жадностью и дурным нравом. Люди в деревне шептались, что она умеет разговаривать с морем и ветром, что слушаются ее животные и птицы и что прошлогодняя буря, унесшая жизни сразу десятерых рыбаков, – это ее рук дело. Или не рук, а злых сил. Злых глаз… Глаза у старухи и вправду были страшные, они меняли свой цвет от белого, как раскаленное солнце, до темно-серого, почти черного, как морские глубины. В такие глаза лучше не смотреть, и дорогу старухе не заступать.

Никс бы и не заступила, собрала бы последние деньги, заплатила бы лекарю. А может, получилось бы взять лекарство в долг, а долг потом отработать, помочь вечно беременной жене лекаря по хозяйству или с ребятишками. Но старуха пришла сама…

Страшная, завернутая в грязные лохмотья и куски полуистлевшей сети, похожая на старую паучиху, выбравшуюся на охоту. Первой жертвой стала Никс. Замерла под пристальным взглядом прозрачных глаз, не в силах сдвинуться с места, промерзая от макушки до пят, каменея, умирая… А ей ведь никак нельзя умирать! И бояться нужно не за себя, а за отца, который всю ночь прометался в беспамятстве.

Дернуть плечом, просунуть пальцы в невидимую паутину, потянуть в разные стороны, одну за другой разрывая туго натянутые нити. Ей нельзя умирать!

– Ишь ты! – Старуха больше не раскидывала ловчие сети. Сейчас она обходила ее по кругу, разглядывала внимательно и, кажется, удивленно узловатыми пальцами перебирала низку из морских ракушек. И ракушки сухо пощелкивали в ее руках, ну точно кости. А Костяной мыс, говорят, оттого так и называется, что засыпан человеческими костями… – Сильная. – Старуха приблизилась. Кажется, только стояла на безопасном расстоянии, и вот уже крепко, до боли, сжимает когтями подбородок. – Сильная и глупая.

– Что вам нужно? – Не надо спрашивать. Вообще не надо заговаривать с морской ведьмой. Лучше сразу к лекарю…

– Лекарь не поможет. – Старуха хихикнула, принюхалась, снова защелкала ракушками. – Я помогу. – И за косу подергала с такой силой, что слезы из глаз. – Плачь. А хочешь, злись. Мне посмотреть нужно, удостовериться… Ну-ка, на меня смотри! В глаза мои смотри, дитя!

Посмотрела, словно в омут провалилась. А когда вынырнула обратно, ведьма уже сидела на валуне, в каменной ступке толкла какие-то коренья.

– Отцу заваришь, как очнется. Поить будешь часто, если придется, то и силой. Продержится еще ночь, значит, жить будет.

– Спасибо. – Только и смогла сказать. Не было сил, словно сквозь песок просочились.

– Не благодари. Я свое взяла. Ты молодая и крепкая. С тебя не убудет, а мне пригодится, – сказала и заклекотала, как чайка. Закашлялась? Или это смех такой? – Как выздоровеет отец, ко мне придешь на Костяной мыс.

– Зачем? – Страшно. И холодно. И упасть хочется прямо на песок.

– Учить тебя стану. Ее дочек кто-то должен научить, чтобы бед не наделали. А ты сильная. От тебя великая беда может быть, дитя.

– Чьих дочек? – А ведь и упала. На песке хорошо, уже не так холодно, только немного колко. Наверное, от ракушек, что старуха обронила.

– В тебе ее кровь течет. Приходи на Костяной мыс, расскажу… – А песок уже завивается волчком прямо перед лицом, застит глаза, мешает смотреть. Всего один только раз моргнула, а старуха исчезла. Словно ее и не было…

* * *

Несмотря на усталость, спал Иван плохо. Мысли в голову лезли всякие. Думалось отчего-то все больше про Нику-Доминику. Кто такая? Откуда взялась? Ну и про ночь большого отлива тоже думалось. Прикольная идея, если разобраться. А остров Медузы надо бы обследовать. Вот завтра прямо с утра можно понырять, поискать этот загадочный вход в загадочный подводный лабиринт. Сказка, конечно, но все равно интересно. И на картах остров тоже стоит поискать. Да прямо сейчас. Все равно ведь не спится.

А остров и в самом деле с высоты птичьего полета был похож на голову медузы. Наверное, из-за извивающихся, точно гигантские змеи, выступающих над водой скал. Завораживающе и жутко. А еще очень любопытно.

С этой мыслью Иван и уснул, а проснулся от громкого пения птиц. Часы на телефоне показывали половину седьмого утра. Он привык просыпаться рано, в будние дни не позже шести. Но сейчас ведь не будни, а полноценные каникулы, а спать не хочется. Раз не хочется, значит, самое время обследовать остров.

Иван позавтракал на кухне яичницей с беконом, которую прямо при нем сварганил Рафик Давидович, а попутно узнал у повара, где можно раздобыть лодку. Оказалось, нужно лишь обогнуть небольшой мыс, до которого вчера он так и не дошел. Вчера не дошел, а сегодня дойдет. Вот только прихватит ласты с маской. Альпинистское снаряжение может день-другой подождать.

Лодки и в самом деле оказались за мысом, лежали на берегу кверху дном, привязанные цепями к металлическим кольям. Иван отвязал одну, перевернул, прихватил весла, столкнул на воду и уже приготовился отчалить, когда его окликнули:

– Иван! Ваня! – По кромке воды к нему быстро шла Юна. Тоже, значит, ранняя пташка. – Привет! – Она помахала ему рукой.

– Привет. Не спится?

– Кто рано встает, тому Бог подает. – Юна, не спрашивая разрешения, запрыгнула в лодку. Да и какое ей нужно разрешение, если она внучка хозяйки? – Хочешь осмотреть остров?

– Хочу. – Иван оттолкнул лодку от берега, уселся рядом с Юной.

– А давай я устрою для тебя экскурсию. В детстве нас на остров без взрослых не пускали. Агата строго за этим следила и наказывала за ослушание, но мы все равно убегали. Открою тебе тайну, лодки можно взять не только здесь. В километре от нашей виллы тоже есть лодки – рыбачьи. Думаю, с аборигенами всегда можно договориться. Вот на рыбацких лодках мы с Финой и плавали на остров. Исходили его вдоль и поперек. Так что я все там знаю.

Она говорила, а Иван налегал на весла. Может, это и хорошо, что первый раз его сопровождает Юна. Пусть покажет скалы, а вход в лабиринт он потом поищет сам.

– А зачем тебе вот это? – Юна поддела ногой ласты.

– Хочу понырять.

– Понырять. – Она понимающе усмехнулась. – У берегов острова все хотят понырять. И местные, и чужаки. Особенно чужаки.

– Почему?

– А ты почему? – Юна склонила голову набок, лукаво улыбнулась. – Только не рассказывай мне, что тебя интересуют рыбки. Нет здесь ничего особенного, ни флоры, ни фауны – одни только скалы. – Ты хочешь найти вход в лабиринт Медузы. Не спорь! Я тоже там ныряла. И Ксю с Димом.

– Искали вход?

– Да. – Она кивнула. – Мы – вход в лабиринт, а остальные, которые чужаки, искали сокровища. До сих пор, кстати, ищут.

– Что за сокровища? – Обычная история маленького провинциального городка, где непременно должны быть какие-нибудь руины и клад. А еще лучше, призрак, этот клад охраняющий.

– Прапрадеда. Первого из Адамиди. Если верить семейным легендам, он был сказочно богат. То, что сейчас есть у бабушки Агаты, это лишь малая часть его сокровищ. Считается, что после смерти своей любимой жены, он сошел с ума и почти все спрятал где-то на острове. Себе оставил сущие крохи. Ну, типа, по тем временам крохи. – Юна усмехнулась. – Чужаки ищут на острове клад уже несколько столетий.

– И что, кто-нибудь что-то находил? – А все-таки Юна интересная рассказчица. И истории у нее интересные. Заслушаешься.

– Находили. Вот только не чужаки, а девушки рода Адамиди.

– И разумеется, в ночь большого отлива, – догадался Иван.

– Разумеется! – А вот сейчас Юна, кажется, не шутила. – Отец нам с Финой рассказывал об этом с раннего детства. Я выросла на сказках про клады. В ночь большого отлива можно войти в подземный лабиринт, об этом ты уже слышал.

– Слышал. – Иван кивнул.

– И они входили. Все девушки рода, которые достигли тринадцатилетия. Вот сколько их было на тот момент, столько и входило.

– Прикольная забава. – Остров был уже рядом, всего каких-то пару гребков – и все.

– Была бы прикольная, если бы утром из лабиринта выходило столько же, сколько вошло. – Голос Юны упал до зловещего шепота.

– А бывало, не досчитывались претенденток?

– Бывало. Если верить легендам…

– …А не верить легендам у нас нет никаких оснований.

– Если верить легендам, из лабиринта выходила только одна. – Юна опустила руку за борт. – Типа, самая достойная. И выходила не с пустыми руками, а с несметными сокровищами, дарами Медузы. Медуза это, знаешь ли, хранительница женщин рода Адамиди.

– Медуза та самая, которая горгона?

– Ну, похоже на то. У нас тут просто какой-то культ Медузы. Она везде, даже на фамильном гербе.

– Я заметил. А что же с остальным претендентками? Они оставались ни с чем, бессребреницами?

– Нет. – Юна посмотрела на него как-то странно. Или это ему так показалось? – Остальные просто не возвращались из лабиринта.

– Если верить семейной легенде? – на всякий случай уточнил Иван.

– Да, если верить семейной легенде! – Юна со смехом плеснула ему в лицо водой. – Представляешь, какие легенды у нашей чертовой семейки?! А мама еще переживает, что Фина не прошла по возрасту. Блуждала бы с нами в мифическом лабиринте!

– Все, мы приплыли. – Иван спрыгнул в воду, подтолкнул лодку к скалистому берегу, помог выбраться Юне. – Показывай свой фамильный остров!

Сказать по правде, ничего интересного на острове Медузы не нашлось. Ну, кроме скал. Скалы здесь были отличные, очень даже подходящие для тренировок. Попробовать можно уже вечером, днем будет слишком жарко, потому что из растительности тут только какой-то чахлый кустарник и выгоревшая под палящим солнцем трава.

– Идем купаться! – Юне экскурсия по острову наскучила раньше, чем ему. Юна схватила его за руку и тянула к берегу. – Тут есть небольшая бухта с песчаным пляжем. Мне нравится здесь загорать.

Иван загорать не хотел, не любил он такое вот праздное времяпрепровождение.

– Идем! – Юна сбросила сарафан и с разбега сиганула в воду.

Иван сиганул следом. Только предварительно нацепил маску и ласты.

Под водой было интересно. Поросшие ракушками и водорослями скалы, почти отвесно уходящие в глубину. А в скалах – трещины. Наверное, любая из них могла бы являться входом в подземный лабиринт, если бы лабиринт этот существовал на самом деле. И косяки мелких рыбешек, которые серебряными искрами сновали туда-сюда в толще воды. И похожая на русалку Юна, очень красивая, очень изящная в солнечных бликах. Юна плавала хорошо. Пожалуй, даже лучше самого Ивана. Наверное, сказывалось детство, проведенное у моря. Или девушки славного рода Адамиди все такие вот русалки?

На берег они выбрались уставшие и даже слегка замерзшие, рухнули на уже нагретый утренним солнцем песок.

– Вот он какой, наш остров, – сказала Юна, не открывая глаз. – Прекрасен даже без всяких там легенд и лабиринтов. Правда?

Иван молча кивнул. Неплохой остров. Чего уж там! Вот только его все равно что-то тревожило, не давало полностью расслабиться. Сначала подумалось, что причина в Нике-Доминике, которая вчера так и не вернулась к ужину, но нет, не в ней. Было что-то тревожное в рассказе Юны, в пересказе вот этих ее семейных легенд.

– А когда они не вернулись в последний раз? – Он перекатился на бок, подпер голову рукой, посмотрел на распластавшуюся рядом Юну. Красивая. Без мешковатой одежды, шляпы и очков очень даже красивая. Ничем не хуже Ксю.

– Кто? – Юна приоткрыла один глаз.

– Претендентки. Если есть легенда, должны быть какие-то вещественные доказательства, подтверждение.

– Заинтригован? – Юна улыбнулась. – Я знаю, что заинтригован. За всех девушек не скажу, знаю только про последний случай. Мне рассказывал папа, а папе уже и не помню кто. Это случилось больше полувека назад.

– С Агатой?

Юна покачала головой.

– С Ариной, ее младшей сестрой. На остров ушли обе, а вернулась только Агата.

А вот это уже не легенды, это уже реальные факты. И, кстати, что значит – ушли на остров? По воде, аки посуху? Он так и спросил.

– Это же была ночь большого отлива, глупенький! – Юна ласково взъерошила его волосы, и ему это неожиданно понравилось. Нет, Юна не русалка. Если следовать античной мифологии, она серена. Сладко поет. И интересно до жути. – В такую ночь до острова можно добраться вброд.

– Разумеется, добраться могут только девушки рода Адамиди?

– Да.

– И Агата со своей сестрой добрались?

– Добрались. Их не было всю ночь, а под утро Агата вернулась одна с рыбацкой сумкой, до самого верху набитой сокровищами. И заметь, это уже не легенды, это подтвержденный факт. Они жили очень бедно, родители моей бабушки и ее сестры. От былой славы не осталось почти ничего, кроме герба и традиций. А тут такое богатство!

– Отчего же бедно? – уточнил Иван. – Ведь каждая такая ночь могла принести несметные богатства. Если верить легенде, – добавил он с усмешкой.

– Оттого, что войти в лабиринт Медузы могут только девушки, парням это не дано. А девочки не рождались очень долго. Вот и у Агаты есть лишь сыновья. Мы с Ксю и Финой первые девочки за пятьдесят лет. Только Фина еще маленькая, а Агата умирает. – Юна говорила, а в голосе ее не чувствовалось жалости к умирающей бабке – один лишь исследовательский азарт. – Дима сразу после рождения сбросили со счетов, но он все равно остается одним из Адамиди, и если у него родится дочь, то она сможет принять участие в следующей инициации.

Сложно у нас все, правда? – Теперь Юна смотрела на Ивана сверху вниз, и ее красивое, ну точно античное лицо было очень близко. Протянуть бы руку, положить ладонь на затылок, притянуть к себе так, чтобы стало совсем уж близко… Да вот что-то не хочется. Расхотелось…

– А что с сестрой Агаты? – спросил он, закидывая руки за голову. От греха подальше. – Ее в самом деле так и не нашли?

– Нашли, кажется. – В голосе Юны мелькнуло, но тут же исчезло разочарование. – Та история темная, никто, кроме очевидцев, ничего рассказать не может, а очевидцев почти не осталось. Кажется, только сама Агата, Артем Игнатьевич, он ее давний друг и поверенный в делах, Тереза, ну, ты ее видел, и Рафик. Они друзья детства, так рассказывал папа. Как бы то ни было, а дело замяли, виноватых не нашли. Смерть Арины списали на несчастный случай. Впрочем, как и остальные смерти.

– Были еще смерти? – С моря потянуло холодом почти могильным. Или это Ивану просто так показалось?

– Да сколько хочешь! Народ на острове пропадал пачками. Кто-то исчезал с концами, а кого-то потом находили мертвым. Думаешь, почему Агата запрещала нам в детстве сюда плавать?

– Боялась, что можете утонуть?

– Нет. Мы все с детства очень хорошо плаваем, для нас остров не опасен. Агата боялась, что мы можем встретить кого-нибудь из мародеров, охотников за сокровищами. Только на моей памяти к берегу острова прибивало троих. Одного я видела своими собственными глазами. Вот на этом самом пляже. И скажу тебе, это было страшное зрелище. – Голос Юны вдруг сделался очень серьезным. – И не потому, что я никогда раньше не видела утопленников, а потому, что это был какой-то не такой утопленник. Мы нашли его вдвоем с Димом, когда сбежали на остров. Утонувший лежал на берегу, и в первый момент я подумала, что это статуя, а не человек. Каменная статуя. У нас в парке такой античной дребедени хоть отбавляй. Но тут не в парке, а на острове. И не статуя, а мертвый мужик с окаменевшим, полным ужаса лицом. Мне потом родители сказали, что это все из-за того, что он был весь в песке, что это такая оптическая иллюзия, но я его лицо до сих пор забыть не могу. Думаю, что и Дим тоже. Кстати, то дело тоже быстро замяли. Агата всегда стоит на страже семьи. Жаль только, что она не может стереть мне память. – Юна горько усмехнулась. – Хотя к очень дорогому и очень модному психологу меня по ее рекомендации родители водили целый год.

– Помогло? – спросил Иван. Его и в самом деле интересовал вопрос, может ли помочь в таком страшном деле какой-то там психолог.

– Нет, – сказала Юна и отвернулась.

Так, в молчании, они провели еще минут пять, а потом Юна велела уже прежним своим бодрым тоном:

– Ну, возвращаемся!

В тот момент Иван был даже рад такому ее внезапному порыву. Оставаться на острове Медузы ему расхотелось, а вот проверить кое-что, наоборот, захотелось.

На том берегу их уже ждали Ксю с Димом.

– Утренний променад? – Ксю смерила Юну внимательным взглядом. – Уже рассказала ему свою любимую страшилку про каменного жмурика?

– Дим тоже его видел. – Юна вздернула подбородок. – Скажи!

– Я видел жмурика. – Дим ухмылялся, и ухмылка делала его похожим на Олежку. – А ты напридумывала всякого, истерику устроила на ровном месте.

– Я ничего не придумала. – Юна подняла с земли полотенце, принялась вытирать мокрые волосы. – А ты слабак, привык плясать под сеструхину дудку.

– И правильно делает. – Ксю улыбалась Ивану, многозначительно улыбалась. – Всегда лучше быть на стороне победителя. К тому же я его родная сестра, а ты так… седьмая вода

на киселе. – Она перестала улыбаться, взяла Ивана за руку, тоже многозначительно, по-хозяйски. – А ты не верь. Наша Юна любит придумывать всякое. Она вообще со странностями, целый год лечилась у психиатра.

На мгновение Ивану показалось, что Юна швырнет в Ксю полотенце, но она сдержалась, только улыбнулась кривоватой усмешкой.

– Посмотрим, – сказала очень вежливо и очень тихо, – кто окажется у психиатра после ночи большого отлива.

Дожидаться ответа она не стала, решительным шагом направилась к вилле. Ивану тоже захотелось уйти, но Ксю держала крепко. Если не сказать, цепко.

– Ты с ней поосторожнее, с нашей малышкой Юной, – сказала она доверительным шепотом. – Я ведь не шутила про психиатра. Агата потратила на ее лечение кучу денег, но, похоже, напрасно. Про то, что ночь большого отлива переживет только одна из нас, она тебе тоже уже рассказывала?

Иван молча кивнул. Утомили его эти семейные тайны и семейные разборки.

– Не верь. Это ее папаша специально мутит воду, придумывает всякие страшилки, чтобы я испугалась и отказалась войти в лабиринт, чтобы только его Юночка и его Финочка остались претендентками. Он нам эту лапшу про проклятие с самого детства на уши вешает, а наши с Димом родители говорят, чтобы не слушали всяких чокнутых, все равно все достанется мне, а не этим убогим. И знаешь почему?

Иван знать не хотел, но понимал, что вопрос этот риторический.

– Потому что я больше всех похожа на Агату. И меня она всегда выделяла. Скажи, Дим!

Дим согласно кивнул.

– И решать, кому достанется наследство, будет не какой-то там мифический лабиринт, а наша чокнутая бабка.

– Я все понял. – Иван подобрал с песка свою одежду. – Мне пора.

– Куда тебе пора? – усмехнулся Дим. – Оставайся, сплаваем наперегонки. – Он поиграл мышцами: бицепсами, трицепсами и остальными дельтами.

– В другой раз.

Дожидаться ответа Иван не стал, пошагал к лестнице, ведущей на виллу. Шел быстро, наверное, поэтому успел догнать Юну. Или потому, что Юна никуда не спешила, устроившись в тени какого-то экзотического дерева, наблюдала за работой двух мужчин в синей униформе, которые что-то монтировали у края дорожки.

– Что это они делают? – Заметив Ивана, она кивнула в сторону мужчин.

– Спроси. – Иван пожал плечами.

– Уже спрашивала, не отвечают. Сказали только, что это приказ Агаты.

– Похоже на какие-то датчики.

– Зачем датчики на земле? Может, дополнительная подсветка к празднику?

– …Что вы здесь делаете, молодые люди? – послышался за их спинами механический голос.

– Ничего, Тереза Арнольдовна. – Юна вытянулась по струнке. – Просто смотрим. Что они такое делают? Вы знаете?

– Я знаю. – Тереза кивнула.

– А мы…

– А вам это ни к чему, – сказала как отрезала и подбородком указала в сторону дома, мол, идите, не мешайте людям делать свою работу.

Они и пошли. А когда проходили мимо рабочих, Иван успел разглядеть логотип на ящике с инструментами и оборудованием. Вот и все, Интернет им с Юной в помощь. Но это лишь в том случае, если нечем будет заняться.

* * *

Второй раз Ника проснулась уже в привычной темноте. В этой темноте щебетали птицы, и вкусно пахло экзотическими цветами. Но сон долго ее не отпускал, таким ярким, таким реалистичным он был. Казалось, протяни руку, и пальцы коснутся бус из морских ракушек или ветхих рыбацких сетей.

Ника и протянула, накрыла ладонью смартфон.

– Ариадна, здравствуй! – сказала, еще не до конца веря, что и Ариадна – не плод ее фантазии.

– Привет, Ника! Как дела?

– Спасибо, хорошо.

Отпустило. И сон, и страх развеял этот бодрый электронный голос. Жить нужно здесь и сейчас. Хотя бы попытаться жить.

Ариадна довела ее до ванной, дальше Ника справилась сама. Одежда нашлась в шкафу. Ее собственная, привезенная от бабушки одежда. Ника даже специально ее понюхала, чтобы убедиться, что ночью вещи не подменили. Хотя бы та же Тереза. С нее, наверное, сталось бы.

Постель Ника застелила сама, не стала дожидаться горничной. Или кого там Агата приставила за ней присматривать? А потом уже основательно изучила свою новую комнату, прошлась сначала по проложенному Ариадной фарватеру, потом по периметру, ощупала мебель, вышла на террасу, вдохнула свежий морской воздух. Вот откуда ее необычный сон. Из-за этого воздуха и вчерашнего вечернего приключения. Навпечатлялась.

Захотелось кофе. Да и вообще чего-нибудь поесть.

– Ариадна, позвони Рафику Давидовичу.

– Соединяю!

Как же легко привыкаешь вот к таким удивительным вещам, как Ариадна! Привыкаешь и недоумеваешь, как жила без нее раньше. Даже если окажется, что Агата ей никакая не родственница, есть надежда, что Ариадна останется. Ведь никому, кроме Ники, Ариадна не нужна.

Рафик Давидович отозвался сразу, словно только и ждал звонка.

– Чего желает юная леди Ника? – спросил веселым голосом.

Ника желала кофе и чего-нибудь на завтрак. На усмотрение Рафика Давидовича.

– Фитнес? ЗОЖ? Какие-то специальные диеты? – спросил тот осторожно.

– Ничего такого. – Ника улыбнулась.

– Замечательно! Обожаю юных леди, которые не забивают свои прелестные головки всякой модной ерундой! Через десять минут буду!

Он явился даже раньше.

– А вот и я! – сказал с порога. – Смотрите, что я вам принес, Ника!

Она бы посмотрела. Если бы знала, куда смотреть…

– Простите, Рафик Давидович. Не могли бы вы поставить поднос на столик?

– Это вы меня простите, Ника. – Он все сразу понял. Вечером не понял, а сегодня вот… разобрался. – Я не знал.

– А я не знала, как вам сказать. – Она улыбнулась.

– Мы сейчас все исправим и озвучим! – Голос Рафика Давидовича раздавался совсем рядом, а Никиного локтя коснулась его рука. – Пойдемте, я сервирую вам стол на террасе. Очень, знаете ли, романтично и полезно для здоровья завтракать на террасе. – Он говорил и мягко тянул ее за собой. В кармане мелко завибрировала Ариадна, подтверждая правильность маршрута. Скрипнуло отодвигаемое кресло. – Присаживайтесь! А я сейчас.

Ника уселась, а Рафик Давидович принялся перечислять все принесенное. Получалось много. Очень много. Нике столько ни за что не съесть. Она так и сказала.

– Ай, бросьте! – Она почти увидела, как повар взмахнул рукой. – Для начала хотя бы попробуйте, а потом определимся с вашими предпочтениями, и дело пойдет веселее.

У него и так дело шло вполне весело. И общаться с ним было легко. Куда легче, чем с остальными. И кофе он варил восхитительный. И пирожные пек. А Никину благодарность принял с детской какой-то радостью, пообещал в следующий раз сотворить специально для нее что-нибудь особенное. Для нее уже давно ничего не делали специально, и это было неожиданно приятно. Так же приятно, как завтрак на террасе.

А потом пришла Тереза. Тереза пришла, а Рафик Давидович тут же засобирался к себе на кухню, торопливо загремел посудой.

– Позавтракали? – Тереза дождалась, когда он уйдет, и лишь потом заговорила. – Ваш вчерашний вечерний наряд был несколько… экстравагантный.

Ника молчала. А что она могла сказать?

– …Впрочем, как и весь гардероб. – Тереза не хотела обидеть, она просто констатировала факты. – А в этом доме принят определенный дресс-код. Я взяла на себя смелость и заказала для вас новые вещи. Их уже доставили.

Ника молчала, слушала. Ариадна тоже затаилась, не подавала признаков жизни.

– Все уже отутюжено и приведено в должный вид. В шкафу я развешу одежду комплектами, чтобы вам было проще сориентироваться. Левая секция – повседневная легкая одежда, средняя – джинсы, брюки и кардиганы, правая – вечерние наряды. Белье и предметы личной гигиены – в верхнем ящике комода, обувь соответственно случаю: повседневная и пляжная – слева, спортивная – в центре, вечерние туфли – справа. Будете мерять?

– Нет. – Ника представила, как она шарит в шкафу, как примеряет новые, но наверняка по-старушечьи унылые вещи, а Тереза за всем этим наблюдает с каменным лицом.

– Воля ваша. – Слава богу, она не стала настаивать. – Главное, запомните последовательность. Если запутаетесь, в памяти вашего устройства есть номер горничной. Позвоните, она придет и поможет. И еще, я оставила на одежде специальные ярлычки с кодами. Убрать их можно легко в любой момент. Ариадна может считать коды на ярлычках и сообщить вам всю имеющуюся информацию. Производитель, размер, цвет, состав ткани.

– Спасибо, я все поняла.

– У вас есть какие-то планы на этот день? – Тереза не спешила уходить.

– Нет. – Какие у нее могут быть планы, когда она одна-одинешенька на вражеской территории?

– Возможно, вам захочется искупаться в море.

Вчера уже искупалась. Прямо в платье…

– Если захочется, горничная вас проводит до пляжа и проследит, чтобы с вами ничего не случилось в воде.

А на пляже будут вчерашние мажоры, и горничная ничем не сможет ей помочь. Нет уж, лучше тут, в прохладе и безопасности скругленных стен.

– Нет. – Наверное, она ответила слишком быстро и слишком резко, потому что в комнате повисло долгое молчание.

– Хорошо. – В голосе Терезы по-прежнему не слышалось никаких эмоций. – Кстати, к ужину будет готов ваш кулон. За день специалисты закончат монтировать систему навигации, и вы сможете передвигаться по дому и вилле самостоятельно. Вам понравилась Ариадна?

– Понравилась.

– Я так и предполагала. Всего хорошего, Доминика. Отдыхайте!

Сказала и исчезла, оставила Нику наедине с собственными беспомощными мыслями. Артем Игнатьевич советовал терпеть и помнить, ради чего все это. Помнить об операции и возможном исцелении. И она будет помнить. Заставит себя быть сильной. Назло всем!

В кармане джинсов призывно мурлыкнула Ариадна.

– Звонит Артем Игнатьевич. Отвечаем?

– Отвечаем. – Ника поднесла трубку к уху.

– Доброе утро, – послышался из трубки знакомый голос. – Надеюсь, вам хорошо спалось, Ника?

– Спасибо, хорошо.

– Тогда собирайтесь, я зайду за вами через полчаса.

– Куда собираться? – Похоже, не получится отсидеться в безопасности скругленных стен.

– Я отвезу вас в клинику на обследование.

– Уже?

– А зачем откладывать в долгий ящик решение насущных задач? – Он сказал задач, а не проблем. Какой добрый человек… – Вчера вечером по приглашению Агаты в город прилетело несколько очень хороших специалистов. Вы пройдете кое-какие исследования, будет консилиум. Ника? Ника, вы меня слышите?

Она слышала. Это со зрением у нее беда, а со слухом полный порядок. Вот только дар речи она вдруг утратила из-за робкой новорожденной надежды. А еще из-за подкатившего к горлу колючего кома.

– Собирайтесь, Ника. Я зайду за вами через полчаса. Ариадна, включи хронометраж.

– Включила, – отозвалась Ариадна вместо онемевшей Ники.

Артем Игнатьевич постучал в ее комнату ровно через полчаса. Эти полчаса ушли у Ники на принятие сложного решения: оставаться в своем или переодеться в то, что принесла ей Тереза. Победила Тереза. А еще обоняние и осязание. Новые вещи вкусно пахли и были приятными на ощупь. Совсем не такими, как мамино розовое платье. Про специальные ярлычки с информацией Ника вспомнила в последнюю очередь, а когда вспомнила, не сумела удержаться.

Ариадна не утаила ничего, даже цены. Цены оказались фантастическими. Впрочем, как и названия брендов… Ника выбрала легчайшее платье, если верить Ариадне, шелковое и чудовищно дорогое.

– Оно красивое, Ариадна? – спросила, не надеясь на ответ.

– Платье из летней коллекции модного дома «Версаче», – тут же отрапортовала Ариадна. В ее электронном голосе Нике почудилось одобрение.

– Значит, красивое, – сказала она, уже ни к кому не обращаясь, и принялась переодеваться. Успела как раз к приходу Артема Игнатьевича.

– Прекрасно выглядите, Ника. – И в его голосе тоже было одобрение. – Решили последовать моему совету?

– Решила. Спасибо. Какого оно цвета?

– Платье? Цвета морской волны. – Он немного помолчал, а потом добавил: – С переливами. Я не большой знаток таких вещей, но уверяю вас, никакого розового.

– Это главное. – Ника пыталась храбриться и даже шутить. А что ей еще оставалось перед обследованием и консилиумом? Не станешь же рассказывать этому чужому, пусть и доброму человеку, как сильно она боится услышать окончательный диагноз, как страшно потерять те крохи надежды, что у нее еще остались.

Глупая. Тогда она еще не знала, что не услышит ни диагноза, ни приговора. Ее обследовали долго, больше шести часов. Анализы крови, МРТ головного мозга, осмотр сначала окулистов, потом неврологов и нейрохирургов, даже беседа с психиатром. Это, кстати, объяснимо, после вчерашнего Никиного купания в море Артем Игнатьевич решил перестраховаться. Вот только психиатр задавал какие-то странные вопросы, никак не похожие на те, что слышала Ника раньше.

Все, абсолютно все, были с ней добры, предельно вежливы и деликатны, но никто даже словом не обмолвился о том, какие же все-таки у нее шансы. А спросить прямо Ника побоялась. Или просто понимала, что ей все равно ничего не ответят? Врачебный консилиум посо-

вещается, напишет заключение по состоянию ее здоровья, но передаст это заключение не Нике, а Агате, ее потенциальной бабушке.

Самая скептическая, самая рациональная Никина часть понимала, что так оно и должно быть, что это правильно. Одно дело – тратиться на лечение родной кровиночки, и совсем другое – заниматься проблемами никчемного приблудыша. И пока непонятно, кровиночка она или приблудыш, диагноз и перспективы озвучивать не стоит. А та часть, которая вечно боялась и вечно паниковала, в голос кричала, что все плохо, и врачи молчат, потому, что не хотят ее пугать. Умерла так умерла…

– Все? – спросила Ника у Артема Игнатьевича, когда он помог ей усесться на заднем сиденье автомобиля.

В это «все» она вложила и свое отчаяние, и свою надежду, а он понял это «все» буквально.

– Да, мы с вами закончили, Ника. Теперь можно ехать домой.

Если не сказали врачи, не скажет и он. Можно даже не пытаться. Сейчас главное, чтобы не стал утешать и говорить, что все будет хорошо. Потому что хорошо никогда больше не будет.

Он не стал. Всю дорогу они ехали в полной тишине. А на выходе из машины их поджидала, точно в засаде сидела, Тереза Арнольдовна. Она тоже ничего не стала спрашивать, сразу сообщила скучным механическим голосом, что через три часа состоится ужин, наряд для Ники уже подготовлен, надо лишь что-то сделать с волосами. Она распорядится, чтобы прислали стилиста. Дожидаться ответа или возражений Тереза Арнольдовна не стала, оставила Нику на попечение Артема Игнатьевича, который быстро и сухо распрощался с подопечной на пороге ее комнаты.

– Увидимся на ужине, – сказал он на прощанье.

– Увидимся, – усмехнулась Ника и закрыла дверь, чтобы он не заметил, как меняется, как плывет от страха и отчаяния ее лицо…

Ни в обед, ни вечером Иван на остров так и не выбрался – завис в Интернете. Сначала просто решил поискать какую-нибудь информацию о событиях пятидесятилетней давности, а потом и сам не заметил, как втянулся.

Инфы в сети было немного. Наверное, по причине отсутствия в те годы Интернета. Но кое-что узнать все-таки удалось. У Агаты и в самом деле была сестра, вот только она не пропала без вести в ночь большого отлива, а утонула. Несчастный случай. По крайней мере, так тогда решили. И никаких разбирательств, как понял Иван, никто не устраивал. А у Агаты с той самой ночи началась совсем другая жизнь. Почти сразу же после похорон сестры она улетела в Москву, если верить официальной версии, чтобы поступить в институт. Но по неофициальной и непроверенной информации, первые пять лет столичной жизни Агата не училась, а работала манекенщицей в московском Доме моделей. Впрочем, ничего удивительного, если даже теперь, на пороге семидесятилетия, она была красива, то в юные годы ее красота ошеломляла. Иван нашел в сети фотографии с молодой Агатой. Одного взгляда на них хватило, чтобы понять: ни Ксю, ни Юна, ни малышка Фина не обладают даже сотой частью бабкиной красоты и харизмы.

А спустя десять лет столичной жизни Агата вернулась на родину, но не одна, а с сыном Димитрисом. Об отце мальчика Иван информации так и не нашел, впрочем, как и о самом мальчике. Очевидно, что за вчерашним ужином старший сын Агаты не присутствовал. Паршивая овца в благородном семействе? Человек, о котором даже нет упоминаний в семейных хрониках? Впрочем, справедливости ради, и об остальных членах семьи Адамиди информация была очень скудной. Похоже, всесильная Агата тщательно оберегала приватную жизнь своих близких.

Зато про убийства и несчастные случаи на острове инфы в Инете было завались. Здесь Юна почти ничего не придумала. Для кладоискателей и авантюристов всех мастей остров уже больше века являлся настоящей Меккой. А для многих из них и могилой. Их тела находили на берегу иногда с признаками насильственной смерти, но чаще – без. Неизменным оставалось лишь одно – лица. Почти все очевидцы в один голос утверждали, что на лицах несчастных застыло выражение неподдельного ужаса, словно бы перед смертью они увидели нечто очень страшное. Дальше мнения интернет-пользователей расходились. Страшные убийства приписывали и обитающему поблизости маньяку, и пиратам, и инопланетянам, и морскому чудовищу, обосновавшемуся где-то в подземном лабиринте. Вот только ни одно из этих предположений не выдерживало ни малейшей критики. К концу своих изысканий Иван пришел к выводу, что на самом деле смертей на острове было не так и много, а все остальное – это лишь ловкая мистификация, попытка не подпустить к вилле «Медуза» и острову чужаков. Оставался вопрос, кому и зачем все это нужно, и Иван надеялся найти на него ответ. Должен же он как-то развлекаться в этой глуши.

Увлекшись своими почти детективными изысканиями, он едва не пропустил ужин. Но, похоже, в доме Агаты совместные ужины были обязательными, за присутствием на них всех приглашенных Тереза Арнольдовна следила лично. За Иваном точно следила, потому что прислала горничную с напоминанием.

Как же ему не хотелось! И не из-за скучного официоза, присущего подобным мероприятиям, а из-за особенной, гнетущей какой-то атмосферы. Словно бы их всех согнали на реалити-шоу и заставляют действовать по указке невидимого режиссера. Или видимого? Может быть Агата тем самым режиссером? На какие чудачества способна богатая, как Крез, все еще красивая, но смертельно больная женщина? И кто такая Доминика?

Про Доминику подумалось совсем неожиданно. Целый день не думалось, а тут вдруг. Наверное, потому, что они не виделись с прошлого вечера, а сейчас им вновь предстояло встретиться за одним столом. Про остальных Иван знал хоть что-нибудь, а эта люмпен-девочка по-прежнему оставалась загадкой. Причем, кажется, не только для него, но и для всех остальных.

На сей раз за столом не было табличек с именами гостей, все привычно расселись по своим местам. Ника-Доминика вошла в гостиную без опоздания. На сей раз на ней не было ни безвкусного розового платья, ни кричащей бижутерии. Сегодня она могла бы сойти за одну из тех, кто занимает место за этим столом не по милости Агаты, а по праву рождения. Длинное платье из струящейся ткани непонятного, не поддающегося анализу цвета, то зеленого, то синего. На ногах не туфли на высоченных каблуках, а нечто невесомое, из множества тончайших серебристых ремешков. На шее – какое-то странное украшение в виде крупного серебряного диска. Не то микросхема, не то лабиринт – одним словом, сплошной авангард и креатив. Неизменным оставалось лишь ее лицо – по-прежнему бесцветное, почти лишенное красок, навроде карандашного наброска. На лице этом выделялись лишь глаза. Могли бы выделяться, если бы Ника-Доминика воспользовалась косметикой. Но она не воспользовалась. И про то, что мимические мышцы даны человеку не просто так, она, похоже, даже не догадывалась. Ивану снова показалось, что он смотрит не на живую девчонку из плоти и крови, а на статую. Весьма интересную, весьма креативную, но все же статую.

И двигалась она странно, словно шла по топкому болоту, а не по паркету, начищенному до зеркального блеска. Словно бы в любой момент была готова замереть перед разверзнувшейся бездной. Вот так она шла. А рядом неспешно вышагивал Артем Игнатьевич, будто бы специально подстраивался под ее неуверенный шаг. И Наталью, которая попыталась было встать из-за стола навстречу Нике, остановил решительным жестом. Или одним только взглядом? Иван не разглядел.

– А наша Золушка подготовилась к балу. – Ксю сидела, забросив ногу на ногу. Ноги были длинные и загорелые. Вот бы на что смотреть, а не на ожившую статую. – Смоталась на рынок, прибарахлилась.

– Это не рыночные шмотки, Ксения. – Юна ни на кого не смотрела, Юна рылась в своем айфоне. – Вот, что это за шмотки! – Она сунула айфон под нос Ксю.

Та глянула на экран и тихо присвистнула.

– Ни хрена себе! Значит, подделки…

– Не похоже на подделки. И медальон у нее клевый. Я бы от такого тоже не отказалась. Как думаешь?..

Договорить она не успела, потому что Ника-Доминика уже остановилась напротив своего стула. Ивану не пришлось проявлять галантность и помогать, Артем Игнатьевич со всем справился сам.

– Хорошего вечера, Ника, – сказал он с вежливой улыбкой, а потом добавил: – Если что, мы с Ариадной на связи.

Вот, теперь еще и Ариадна какая-то. Ну, для полноты картины, так сказать. Осталось еще объявиться Минотавру – и будет совсем весело.

А Ника на свое место уселась молча, не удостоила никого из присутствующих ни словом, ни даже взглядом, сложила руки поверх салфетки и замерла, будто к чему-то прислушиваясь. А может, и прислушиваясь. Иван присмотрелся: из-под белого, завитого в тугую спираль локона выглядывал серебристый пластик беспроводной гарнитуры, чем-то похожей на хэндс-фри. Вот только это не был хэндс-фри. Тогда что? Слуховой аппарат? Она плохо слышит? Тогда понятно, откуда эта странная заторможенность и ищущий взгляд. Тогда понятно, почему она такая… отстраненная.

– Привет! – сказал он, наверное, излишне громко, потому что Ника испуганно вздрогнула, а Юна посмотрела на него с удивлением.

– Это ты мне? – Ника даже не повернула головы в его сторону, теребила свой мегакрутой медальон с похожими на лабиринт микросхемами. В какой-то момент Ивану показалось, что медальон в ее пальцах слегка вибрирует.

– Это он тебе, – сказала Ксю и уперлась локтями в стол. – Все остальные тут, знаешь ли, воспитанные, здороваются при встрече. Но тебе простительно, тебя ж наша бабка за каким-то чертом на помойке откопала.

Заржал Олежка, глянул многозначительно на Ивана.

– Это для симметрии, – сказал с такой ухмылкой, что вот прямо сейчас захотелось ему врезать. – Как говорится, каждой твари по паре. У тебя есть я. У Юны – Вадик. А нашему Бэтмену, значит, вот эту… лягушонку в коробчонке.

…Нет, бить он не стал. Просто поймал Олежку за узкий галстук, потянул вниз. Не сильно потянул, а так, чтобы отреставрированный римский Олежкин нос замер в нескольких миллиметрах над салатом.

– Извинись, – сказал скучным голосом.

– Перед кем? – Олежка хрипел, мотал башкой и упирался ладонями в стол.

– Перед ней.

А она даже не повернула головы. Лягушонка в коробчонке… Ей было плевать и на обидчика, и на защитника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.